ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 133 (3162) Вторник, 10 ноября 1953 г. Цена 40 коп.

В ПРАЗДНИЧНЫЕ ДНИ

Торжественно и радостно отметили 36-ю годовщину Великого Октября советские люди. Многомиллионный людской поток заполнил в день праздника улицы и площади наших городов и сел. Морем света, радостью народа озарена была вся великая Советская страна — от края и до края. Октябрьские праздничные демонстрации повсеместно явились величественным выражением единства народа, тесно сплоченного вокруг Коммунистической партии и Советского правительства. И повсюду звучала здравица в честь великой партии коммунистов — организатора наших побед, ведущей советский народ вперед, к коммунизму.

НА БЕРЕГАХ НЕВЫ

Дружными колоннами вступали ленинградцы на Дворцовую площадь, — ту самую площадь, по которой 36 лет назад шли на штурм Зимнего пролетарские дружины.

По этой площади в годы первой пятилетки прогромыхали первые советские тракторы — творение путиловцев-кировцев. С каждым годом плакаты говорили о новых и новых трудовых завоеваниях ленинградцев — о сложнейших электромашинах, оптике и радиоаппаратуре, мощных турбинах, о содружестве рабочих и ученых.

Знамя Ленинграда несет старый путиловец, депутат Верховного Совета СССР А. Байков. Люди идут под алыми полотнищами с Призывами Центрального Комитета партии.

Вечером 7 ноября в зеркале Невы отразились цепочки огней, светящиеся лозунги. Сверкали корабли, выстроившиеся на середине реки. С кораблей долетала музыка — к балтийцам приехали гости. И вдруг из-под стен Петропавловской крепости раздался залп салюта; казалось, что земля выбросила в осеннее черное небо огромный букет светящихся цветов.

Среди людей, запрудивших невские берега и мосты, была и Анна Павловна Ларионова с дочкой Люсей. Муж ее — Юрий Александрович Ларионов, как и сотни других ленинградцев, по призыву партии поехал работать на село. Он уже получил квартиру и ожидает приезда семьи.

Ты хорош, Ленинград, и забыть тебя невозможно, не уйдешь ты из сердца! Но тем-то ты и хорош, что делишься щедрой силой своей с теми, кому она сегодня нужна. Тем-то ты и хорош, что отзывчивы сердца твоих граждан, хорошо слышат они призыв партии и отвечают на него достойным делом. И уехавший работать на село ленинградец всегда будет чувствовать себя частицей огромного коллектива, который его воспитал.

ЛЕНИНГРАД. **Елена СЕРЕБРОВСКАЯ**

РАДОСТЬ ЖИЗНИ

Киев привык к тому, что природа балует его мягкими погожими осенними днями; но давно уже не было над столицей Украины такой бездонной ослепительной голубизны, такого прозрачного сияния, словно пронизанного золотыми нитями, как в день тридцатишестилетия Великого Октября.

Кажется, никогда еще на улицах Киева не было столько самодеятельных оркестров. Они шли в колоннах один за другим, звуки и мелодии то и дело переплетались, вспыхивали в прозрачном воздухе и все же, как это ни странно, не мешали друг другу; около каждого оркестра образовывалось, словно плыло с ним, кольцо танцующих или шла группа песенников, взявшись за руки, обнявшись за плечи.

Главное, что звенело в многоголосой музыке и веселых песнях, звучало в оживленных разговорах и заливчатом смехе, владело всеми, — это радость жизни, которая становится лучше и лучше для каждого из советских людей.

Колонны демонстрантов, чтобы спуститься к древнему Крещатику, обтекали гранитную скалу, на которой вздыбил своего бронзового коня Богдан Хмельницкий. И редко кто не поднимал взгляда вверх к мощной фигуре того, кто возглавил триста лет назад народное движение и выполнил волю свободолюбивого украинского народа, стремившегося к вечному братскому союзу с великим русским народом. Этот союз, спасший украинский народ как нацию, был скреплен еще раз и навсегда тридцать шесть лет назад в грозовые дни Великого Октября кровью лучших сынов братских народов, завоевывавших счастливое будущее.

И вот оно пришло, это предсказанное гениальным Лениным, ставшее явью счастливое будущее, к которому привели нас Коммунистическая партия и Советское правительство!

...Колонны шли на Крещатик с его новыми великолепными белокаменными домами, возникшими здесь в послевоенные годы, и дальше, к памятнику В. И. Ленину, великому основателю многонационального Советского государства.

От Переяславской Рады до Великого Октября—знаменательный путь украинского народа, познавшего радость жизни в вечном союзе с великим русским и другими народами нашей страны и готовящегося достойно встретить большой национальный и всесоюзный праздник трехсотлетия воссоединения Украины с Россией.

В. ВЛАДКО

КИЕВ

ПЕРВЫЙ КОНЦЕРТ

Незадолго до праздника большая группа колхозников артели «Путь Ленина» Красноармейского района совершила поездку в Сталинград, чтобы посмотреть спектакль драматического театра имени Горького. После спектакля между артистами и гостями завязалась беседа. Актеры делились своими творческими замыслами, колхозники рассказывали о своем селе, раскинувшемся на берегу Волго-Донского канала имени В. И. Ленина.

— Село наше большое,—рассказывал знатный чабан Ф. Лемешко. — Дома построили для нас по типовым проектам. Есть электричество, радио. Есть и помещение для клуба, вот только оборудовать клуб не успели...

На следующий день в колхоз приехала группа артистов, а с ними — электрики, плотники, декораторы. В помещении, предназначенном для клуба, закипела работа. Плотники оборудовали сцену, художники украсили зрительный зал и фойе. Тем временем артисты, под руководством главного режиссера театра Ф. Шишигина, помогали коллективу колхозной самодеятельности готовить концерт.

В день всенародного праздника помещение клуба осветилось электрическими огнями. Колхозники пришли в клуб семьями. Приехал оркестр театра. Совместно с колхозной самодеятельностью артисты дали большой интересный концерт — первый концерт в новом клубе!

В. РОСТОВЩИКОВ

Колхоз «Путь Ленина», Сталинградской области

На Красной площади

Заметки писателя

Как похожи, но и как отличны друг от друга праздники дня рождения нашей Советской страны, нашего социалистического государства! С каждым годом крепнул шаг некогда совсем еще молодой, а ныне взрослой и могучей Советской Армии, армии, созданной для охраны мира. А как «повзрослели», как отличаются цифры наших, казалось бы, совсем недавних достижений в области тяжелой и легкой промышленности от тех, что ныне — в тридцать шестую годовщину — пронесли на щитах и транспарантах демонстранты по Красной площади. Макеты станков и машин, которые мы увидели 7 ноября 1953 года, показались бы невероятными двадцать лет назад.

Страна наша неизмеримо выросла, и точно так же, как меняется лицо человека, возмужавшего, много понявшего и пережившего, человека, который обрел спокойную, гуманную и гордую мудрость, сохранив сердце горячим и отзывчивым,— так же изменилось лицо нашей Родины, нашего народа, вынесшего на своих плечах судьбы мира.

И все же, если бы дело было только во внешнем (хотя одновременно и глубоком по существу) отличии наших праздников друг от друга, было бы легче описать наш 36-й Октябрь. Можно, хотя и трудно, найти настоящие слова, чтобы рассказать о мощи наших Вооруженных Сил и демонстрации торжествующего народа. Но дело не только в этом. Каждый год празднует день своего рождения человек. И не так уж сложно рассказать о хороших и нужных делах, которые он совершил. Но как, какими словами изобразить всю ту гамму чувствований, ощущений и размышлений, которые неминуемо должны нахлынуть на человека в этот день? Картины прошлого встают перед ним, как живые, и мысли проносятся вереницей.

А ведь у народов тоже есть судьбы; своя судьба, свое огромное сердце, своя необъятная душа есть и у нашего героического народа. И рассказать о душе народа во много крат труднее, чем об отдельном человеке.

...На центральной трибуне Мавзолея, приветствуемые шумными аплодисментами советских и зарубежных гостей, появились руководители партии и правительства. Когда смолкли приветственные рукоплескания и возгласы людей; когда маршал Булганин объехал войска и произнес речь, в которой с высокой трибуны были еще раз с большой силой высказаны миролюбивые стремления нашей страны и готовность наших Вооруженных Сил отстоять завоевания социализма; когда раздался грохот торжественного артиллерийского салюта и затем стало тихо, совсем тихо, как редко бывает в местах сосредоточения тысяч людей, — тогда в наступившей тишине раздались четкие, лаконичные слова воинской команды. И, повинуясь им, резко повернулись направо войска, стоявшие лицом к Мавзолею, и слились в единую плотную колонну. Грянули трубы сводного оркестра, и военный парад начался.

Осенний ветер развевал тяжелый бархат знамен. Трепетали муаровые ленты боевых орденов. Шел цвет Советской Армии— слушатели военных академий: имени Фрунзе, артиллерийской имени Дзержинского, бронетанковых и механизированных войск имени Сталина, военно-воздушной инженерной имени Жуковского...

Шли офицеры, и среди них — те, кто бесстрашно сражался на полях Великой Отечественной войны, а после войны овладевает новой военной техникой, чтобы во всеоружии всех знаний воспитывать наших воинов.

Идут моряки. Чуть сдвинуты набекрень их ярко очерченные белым кантом лихие матросские бескозырки. На каких бы флотах ни служили, какие бы корабли ни представляли эти люди, — с их приходом ветер морей и океанов мира повеял на площади; он напомнил нам, что сотни рек, морей, проливов, островов и архипелагов земного шара носят русские имена и названия. И возникли перед мысленным взором людей незабываемые картины обороны Одессы, Севастополя, Ленинграда и знаменитая, дымом окутанная переправа у Сталинграда... И весь советский народ увидел в эти минуты своих верных морских сынов не только здесь, на военном параде, в праздничном блеске, но такими, какими они были в дни героических битв, — в орудийных башнях кораблей, в отсеках подлодок, на рубежах морской пехоты, увидел душу советского моряка, гордую, неподкупную, самоотверженную...

Пограничники... Вот они проходят в своих зеленых фуражках, с винтовками, к которым примкнуты холодно и спокойно поблескивающие штыки. «Советский пограничник» — это не только звание, это — характер, и если в последние годы он реже появляется в художественной литературе, чем раньше, то вина в этом лежит на нас, литераторах. Вот они перед нами, спокойные, четкие, сдержанные, одетые в любимую советским народом и ненавидимую врагами форму,— советские пограничники. Мы видим их и думаем об историческом пути нашей Родины, не имеющей ни к кому никаких территориальных претензий, но свято охраняющей свои незыблемые границы.

И флагманский корабль воздушного парада, появившийся над Красной площадью, и звенья реактивных бомбардировщиков, а затем истребителей, пролетающие с непостижимой точностью в неколебимом строю, вызывают у зрителей не просто восхищение и благодарность их создателям и пилотам. Это — тоже знаменательная веха стремительного роста нашей страны, нашей технической культуры, героической эпопеи развития русской авиации.

На марше — славная советская пехота. Ветер, усиленный стремительным движением автомашин, развевает алое бархатное полотнище с портретом великого Ленина и надписью золотом: «За нашу Советскую Родину!»

На площадь вступает советская артиллерия. Каждый раз любуемся мы этим грозным зрелищем, могучей поступью орудий, суровым блеском стволов. Давно уже умолкли артиллерийские залпы наших орудий на полях сражений, но эхо этих залпов, возвестивших свободу и независимость для миллионов людей различных стран, не смолкнет никогда.

Идут воины, закаленные, показавшие свою высокую боевую выучку на недавних осенних маневрах войск Советской Армии. Идут солдаты советского народа, взращенные и воспитанные Коммунистической партией, люди со стальными мускулами, несокрушимой выдержкой и горячим сердцем советского патриота.

Немало книг написано о советском солдате, о человеке наших пятилеток, который героически трудился на лесах новостроек, на колхозных полях и надел военную форму, когда враг угрожал Родине. Советский солдат прошел по сталинградским степям, волховским болотам, Карпатским горам, сокрушал доты врага, неся на своих плечах не только винтовку, но и огромную тяжесть судеб народов мира. Он заслуживает большего количества и еще лучших книг.

...Закончен парад. Прошел по площади тысячетрубный сводный оркестр. На площадь вступает ликующий народ. Идут представители трудящихся Кировского, Ленинского, Краснопресненского, Советского, Свердловского, Дзержинского, Щербаковского, Бауманского, Первомайского, Куйбышевского, Красногвардейского, Молотовского и других районов столицы. Как много смысла, какие замечательные страницы истории запечатлены в одних только этих названиях! Баррикады 1905 года, бессмертные подвиги народа, с оружием в руках защищавшего нашу Родину от интервентов, встают за этими именами, передовая промышленность страны, славная рабочая гвардия, крупнейшие научные учреждения, замечательные театры...

Возглавляя демонстрацию, прошли по Красной площади московские металлурги— рабочие и служащие завода «Серп и молот». Советская металлургия!.. Вспомним штурмовые дни и ночи рождения Магнитки и Кузнецкого комбината, великие свершения народа, напрягшего богатырские мускулы, чтобы сделать свою страну индустриальной державой, титанические усилия партии и народа...

Идут автомобилестроители, проходят советские ученые, писатели, артисты...

Трудно описать внешний вид демонстрации, как обычно бывает трудно описать все живое, движущееся, меняющееся... В эти часы на Красной площади все было в движении. Тысячи флагов, плакатов, макетов, транспарантов, букетов цветов, колышущихся, вздымающихся ввысь, составляли чудесный, с изумительным мастерством вытканный, яркий и в то же время прозрачный ковер, раскинувшийся над головами людей, и краски этого ковра ни на минуту не оставались не измененными.

Единую, устремленную мысль, которая пронизывает каждую строку недавних постановлений партии и правительства, ярко отразили слова и цифры, многократно и в различных сочетаниях повторенные на щитах, панно, транспарантах.

Больше, больше благ для народа! — вот ясная, ведущая мысль, вот выражение всей атмосферы нашего праздника.

Больше продовольствия, тканей, обуви! Больше радиоприемников, телевизоров, автомобилей! Больше хороших книг, пьес, стихов! Больше, как можно больше всего, что нужно советскому человеку! Последние постановления партии и правительства, призыв и задание резко увеличить производство материальных благ воплотились здесь, на демонстрации, в цифры рапортов наших предприятий легкой и пищевой промышленности, в алые, голубые, белые, синие, оранжевые, зеленые полосы шелка, горящие и переливающие всеми цветами радуги... Проходят мастера швейного дела — портные, закройщики; идут обувщики «Парижской Коммуны»; идут пекари хлебозавода-автомата имени Хрущева, кондитеры с фабрики «Красный Октябрь»...

Где бы ни находился и где бы ни трудился советский человек, он может сказать:

— Мы хорошо поработали. Нам бывало трудно, иногда очень трудно. Но именно потому, что мы так потрудились, — мы можем теперь больше подумать о том, что украшает жизнь.

И тем, что мы можем об этом не только думать, но воплощать наши думы в жизнь, — мы обязаны нашей великой Коммунистической партии, партии, которая тридцать шесть лет уверенно ведет нас вперед, к коммунизму.

Наши отцы, тридцать шесть лет назад штурмовавшие Зимний, знали, что они открывают новую эру для народов своей Родины. И для всего трудящегося человечества!

Солдаты Великой Отечественной войны, которые шли на запад, тоже знали, что они несут мир и освобождение не только своим соотечественникам, но миллионам людей иных стран и племен.

И сотни тысяч советских людей, пришедших на Красную площадь, в день великого праздника обращались со словами искреннего привета к великому Китаю, народу героической Кореи, немцам, борющимся за единую, демократическую Германию... Глубокой заинтересованностью в счастье и неизменной любовью к трудовым людям всех национальностей и рас, волей к миру и дружбе между народами была проникнута праздничная демонстрация 7 ноября.

Мир, процветание и дружба народов — вот чего мы хотим, вот за что боремся, вот от чего не отступим!

...Окончилась демонстрация... И когда гости стали расходиться, мы были свидетелями еще одной, очень многозначительной демонстрации.

Я не знаю точно, кто были эти люди — чехи ли, поляки, албанцы или англичане, бразильцы, китайцы, корейцы, вьетнамцы или японцы, алжирцы, чилийцы, американцы, индонезийцы, венгры или жители Южно-Африканского Союза, но несколько десятков людей, белых, желтых и черных, в пальто, в белых бурнусах, в шляпах, в кепках, в чалмах, тесной, сплоченной группой, с цветами в руках, с многоголосой и разноязычной песней, пошли по центру опустевшей уже площади. Проходя мимо Мавзолея, они высоко подняли свои цветы... Они — с нами, эти люди разных народов. И народы их — с нами!

Александр ЧАКОВСКИЙ

Международные отклики

СОЛИДАРНОСТЬ НАРОДОВ

«Солидарность народов» — так, наверное, можно было бы назвать документальный фильм о празднике Великого Октября за рубежами нашей страны.

Кадры фильма запечатлели бы ликующих людей на древних площадях Пекина, многолюдные демонстрации в Софии и Бухаресте, огни праздничной иллюминации в Праге и Тиране, факельное шествие берлинской молодежи, горящие кумачом слова «Тридцать шесть лет Октября» на строящемся здании Дворца культуры и науки в Варшаве — величественном символе советско-польской дружбы, алые флаги на новом мосту через реку Тэдонган, сданном в эксплуатацию пхеньянскими строителями в честь праздника — 7 ноября.

Мы увидели бы лондонский зал Эмпресс-холл, крупнейший в Монтевидео кинотеатр Астор, хельсинкский зал Мессухали, деревеньку под Дамаском... И отовсюду донесся бы к нам живой голос друзей Советского Союза.

Это был бы волнующий фильм о горячей любви трудящихся всех стран к Советскому Союзу — оплоту мира и национальной независимости, к советским людям — творцам счастливой жизни.

Октябрьская революция проложила народам путь к новой свободной жизни. Вместе с Советским Союзом по пути расцвета идут великий Китай и страны народной демократии. Видный китайский ученый и общественный деятель, лауреат международной Сталинской премии мира Го Мо-жо пишет: «Замечательные достижения советского народа, построившего социалистическое общество и уверенно идущего вперед, к коммунизму, красноречиво свидетельствуют о безграничных прекрасных перспективах человечества и вдохновляют трудящихся всего мира на борьбу за свободу и счастье».

Газета «Женьминьжибао» в передовой статье «Сияние Октябрьской революции освещает нам путь вперед» подчеркивает, что великие успехи, достигнутые Советским Союзом, как солнце, освещают народам путь к свободе и счастью. Китайский народ, указывает далее газета, никогда не забудет всестороннюю, длительную, бескорыстную помощь, которую оказывает ему советский народ.

Говоря о международном значении Октябрьской революции, венгерская газета «Сабад неп» пишет: «36 лет тому назад свобода лишь родилась. Сегодня она является достоянием сотен и сотен миллионов, сокровищем, которое никто не сможет у них отнять».

Советская мирная внешняя политика завоевала доверие миллионов и миллионов людей. Они ясно видят, кто является действительным виновником напряженности нынешней международной обстановки, кто противодействует мирному урегулированию и усиленно подгоняет своих партнеров по Северо-атлантическому блоку к войне. «Клобук еще не делает человека монахом»,—говорит старая пословица. Правящим кругам империалистических держав все труднее обманывать простых людей и прикрывать миролюбивыми фразами свои агрессивные дела и замыслы.

«Сейчас все могут видеть, — заявил Гарри Поллит в своей речи на массовом митинге в Лондоне,—что подлинная опасность войны вызывается политикой американского правительства и действиями его марионеток: Чан Кай-ши и Ли Сын Мана — на Дальнем Востоке, Аденауэра в Европе». Известный английский общественный деятель Хьюлетт Джонсон, выступая на том же митинге, сказал: «Мир возможен, невзирая на различие идеологий. Надо добиваться того, чтобы наше правительство приняло советские предложения об урегулировании международных разногласий».

Мирная внешняя политика Советского правительства, стремление Советского Союза сотрудничать и развивать деловые связи со всеми странами встречают поддержку всех сторонников мира. На торжественном собрании в Монтевидео уругвайский деятель доктор Хуан Франсиско Пасос, посетивший недавно Советский Союз, заявил: «Советский народ желает жить в мире и дружбе с нашим народом, как и со всеми народами земного шара».

Выступая на одном из собраний в Осло, известный норвежский артист Уле Грепп сказал, что самое большое впечатление на него во время пребывания в СССР произвели советские люди, которые, не покладая рук, строят новый мир, мир, достойный человека. «Мы в нашей стране, мечтающие о мире и стремящиеся к нему, в этот великий день шлем привет новому советскому человеку»,— заявил Уле Грепп.

Советский народ оберегает мир, как самое драгоценное достояние человечества. Его пример пробуждает к борьбе миллионы людей. Празднование 36-й годовщины Великого Октября за рубежом входит в историю наших дней, как незабываемая демонстрация силы и роста международного фронта в защиту мира.

ЛИТЕРАТОР

Нерушимая дружба

В связи с празднованием 36-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции в адрес Союза советских писателей поступила приветственная телеграмма из Пекина, которую мы публикуем ниже:

Дорогие советские писатели и деятели искусства!

В день 36-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции мы, китайские писатели, артисты, художники, с чувством огромной радости шлем искренний привет советскому народу и нашим друзьям, деятелям советской литературы и искусства. Китайский народ под руководством Китайской коммунистической партии и председателя Мао Цзэ-дуна, вооруженный революционной теорией Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, осуществил победоносную революцию. Сейчас мы уже приступили к выполнению первого пятилетнего плана.

Мы глубоко благодарны Советскому правительству и советскому народу за их всестороннюю и бескорыстную помощь Китаю в его революционной борьбе и экономическом строительстве. Эта помощь играет колоссальную роль в деле ускорения социалистической индустриализации нашей страны и укрепления всемирного лагеря мира и демократии, возглавляемого Советским Союзом. Китайский народ до конца понял величие социалистической системы и проникся безграничной верой в перспективы социализма и коммунизма. Мы с огромным энтузиазмом изучаем замечательный передовой опыт советского народа в деле экономического строительства, изучаем выдающиеся достижения советской литературы и искусства. Мы, не щадя сил, средствами литературы и искусства боремся за социалистическую индустриализацию нашей страны, за укрепление мира во всем мире.

Да здравствует нерушимая дружба народов Китая и Советского Союза! Да здравствует дружба работников литературы и искусства наших стран!

Всекитайское объединение работников литературы и искусства
Союз писателей Китая
Союз театральных работников Китая
Союз художников Китая
Союз композиторов Китая
Общество по изучению китайской театральной музыки.

ПРАЗДНОВАНИЕ 36-й ГОДОВЩИНЫ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. **В Москве, Ленинграде, Киеве, Минске и других городах Советского Союза состоялись многолюдные демонстрации трудящихся. На снимках запечатлены колонны демонстрантов** (слева направо): **на Красной площади в Москве; на Крещатике в Киеве; в Минске; в городе Иванове.**

Фото Б. Пушкина, М. Мельника, М. Минковича и Ф. Карышева.

Ефим ДОРОШ

НЫНЧЕ ОСЕНЬЮ

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

Поздняя осень. В сером и низком небе, шевеля крыльями, медленно тянутся на юг запоздалые утки. Облетевший осинник, занявший собою отлогий изволок, окутан коричневой дымкой голых ветвей. От осинника, вдоль высокой железнодорожной насыпи, простерлись нестерпимо зеленые озими, пахнущие свежей травой. Где-то впереди, возле железнодорожного моста, из-под которого, догадываешься, течет невидимая отсюда речка, ровный и чистый цвет озимей переходит в грубую, с ржавыми пятнами зелень прибрежного болотца. За речкой, на темном склоне оврага отчетливо светлеют кочны еще неубранной поздней капусты. Там горит костер, женщины, склонившись, убирают капусту, лошадь с трудом тащит в гору тяжело нагруженную телегу. А по другую сторону проселочной дороги лежат вспаханные поля. Ночью был заморозок, а сейчас растаяло, и комковатая пашня стала черной от влаги. Почернела и дорога, в которую впечатаны узкие желтые листья, слетевшие со старых ветел. Дорога ведет в деревню, стоящую над оврагом.

Название деревни звучит на славянский лад и восходит к тысячелетней давности временам. Шум молотилки, доносящийся из длинного приземистого амбара, что стоит у въезда в деревню, и мякина, вылетающая из темного провала распахнутых настежь ворот, помогают вообразить то далекое время, когда впервые раздался здесь стук цепов. В седой древности берут начало истоки благородного труда русского земледельца.

Меня окликают, и я останавливаюсь на краю капустного поля, где среди других женщин работает Наталья Кузьминишна, у которой я живу обычно, когда приезжаю в здешние места. На ней ладная стеганка, поверх которой повязан белый, с нагрудником, передник. Из-под толстого полушалка выбилась и пристала к взмокшему лбу прядка светлых, с проседью волос. Красной зазябшей рукой она прижимает к груди только что срезанный кочан капусты, постукивает по нему кончиками пальцев, чтобы согреть их, и под этот тихий хрустящий звук неспешно рассказывает последние деревенские новости: о том, сколько выдали на трудодень, о свадьбах...

— А к нам опять тысячник приехал, — сообщает Наталья Кузьминишна. — Инженер! В эмтеэсе станет работать. Теперь поправимся. Вчера уж и собрание проводил. Начнем, говорит, фермы ваши механизировать. И то сказать, без механизации у нас никак нельзя. Какую угодно бабу спросите. Легкое ли дело: и воду таскай, и корм... и в котлах тех картошку или мякину поворочай... и назем выгреби. Сколько тут трудоспособных надо! А в других работах тоже людей нехватка. Нет уж, и не толкуйте, теперь обязательно поправимся.

Поправимся! Это извечное крестьянское слово всегда было связано с хорошим майским дождем, с покупкой коня, с теленком, которого выпаивали, отказывая детям в молоке, надеясь на вырученные от продажи этого теленка деньги купить что-нибудь необходимое в хозяйстве. И то обстоятельство, что сегодня Наталья Кузьминишна говорит «поправимся» в связи с приездом в деревню городского человека, «тысячника», как она выразилась, вспомнив, должно быть, первые дни коллективизации, вдруг объясняет мне, что же изменилось вон в той деревеньке над оврагом, в судьбе нашего крестьянина.

Тысячи лет занимался он хлебопашеством. И хотя, пусть медленно, но все же совершенствовались орудия его труда, приемы обработки почвы и возделывания растений, и хотя, определяя условия его жизни, сменяли друг друга общественно-экономические формации, он и в эпоху пара и электричества оставался одиноким и беззащитным, как и его далекий пращур, впервые вспахавший поле среди лесов.

Наталья Кузьминишна возвращается к своему рядку, наклонившись, тяжелым ножом срезает кочан, затем другой, третий, и позади нее постепенно открывается черная полоса земли с торчащими кочерыжками. А я усаживаюсь на опрокинутую корзину возле костра, от которого тянет дымным теплом. Мне видно, как срезанную капусту укладывают в островерхие валы, как подъезжает к ним порожняя телега, нагружается, и лошадь, навалившись на хомут, с трудом берет с места. За сегодняшним легким заморозком может ударить мороз,— лошадьми не успеть перевезти всю капусту с поля, и женщины, поторапливая возчиков, с беспокойством говорят о трехтонке, которую обещали прислать рабочие паровозных мастерских. Когда со стороны шоссе, что идет от скрытой за осинником железнодорожной станции, доносится шум мотора, женщины распрямляются и глядят на едва различимые отсюда телеграфные столбы. Но машина, не свернув на проселок, мчится к районному городку, чьи древние колокольни и трубы крахмально-паточного завода темнеют на горизонте. Потом, когда трехтонку уже и не ожидают, показавшийся из-за осинника грузовик сворачивает вдруг на проселок, покачиваясь на ухабах, медленно приближается и останавливается, постукивая незаглушенным мотором. Из кабины выскакивает молодцеватый шофер и весело кричит:

— Ну как, колхозное крестьянство... Поработаем!

Дочь Натальи Кузьминишны, Алевтина, черноволосая и румяная девушка в сбившемся пуховом платочке, засунув руки в карманы стеганки, щурит глаза и с озорством говорит о шофере:

— Вот этого бы я взяла.

Все смеются и начинают поспешно грузить трехтонку капустой.

С машиной дело идет веселее. Нагрузившись, она уходит в деревню и вскоре опять возвращается. Ее низкие, с хрипотцой гудки и ровный, звенящий рокот мотора заполнили собою всю округу, вытеснив остальные звуки. Поле заметно пустеет, только кочерыжки, как вбитые в землю колышки, торчат повсюду, да еще валяются зеленые лопушистые листья.

Присланная железнодорожниками трехтонка — обычная, в сущности, малоприметная деталь нашего времени. Но, как и приезд инженера, о котором рассказывала Наталья Кузьминишна, она заставляет обратиться мыслями к тому, чем тяжела была жизнь дореволюционного крестьянина, в одиночку бившегося с нуждой на своем клочке земли.

Я вспоминаю горькую жалобу Тимофея Бондарева, жителя деревни Иудино, Минусинского уезда, высказанную им в его сочинении «Трудолюбие и тунеядство или торжество земледельца», опубликованном Львом Толстым. Крестьянский правдоискатель, сектант, не видевший, разумеется, в чем истинный выход из тяжелого положения, в каком находилась деревня, Бондарев, однако, хорошо знал, как мучаются крестьяне хлебной работой, и с болью спрашивал, почему не придет к ним ни один механик, чтобы сказать: «Сделай вот так и так» и тем свалить с их плеч страшную тягость.

Из-за плетня своей нищей усадьбы, из беспросветного мрака деревенской жизни, с недоверием и озлоблением глядел крестьянин на чужой, блистающий огнями город, откуда не ожидал ничего хорошего.

За обедом, покамест Наталья Кузьминишна собирает на стол, мне почему-то приходит в голову пересказать ей содержание рассказа Чехова «Новая дача». Наталья Кузьминишна проворно снует по избе то за тарелками, то за хлебом и ложками, и каждый ее шаг отзывается тихим звоном посуды в старой горке. Она достает из печи чугун со щами, и стекла окон мгновенно становятся матовыми от пара. А я рассказываю, что еще до революции, в такие же точно места, как здешние, приехал инженер строить мост. Жене инженера понравилась речка, и деревня, и вид на зеленую долину, и они решили с мужем выстроить здесь дачу. Они хотели помогать крестьянам, раздавали деньги и гостинцы крестьянским детям, собирались починить дороги, построить школу, вообще, делать добро. Но крестьяне отнеслись к ним враждебно, причинили им много неприятностей, в конце концов довели до того, что инженер с женой вынуждены были уехать.

— И правильно! — запальчиво говорит вдруг Алевтина. — Точно с нищими обращались. Нате, мол, милостыню. Да и вовсе он не инженер, как вы рассказываете, а просто капиталист.

— У нас вот тоже случай был, — вспоминает Наталья Кузьминишна. — Я еще в девчонках бегала. Приехал к нам барин. Тут вся земля вокруг его была, барина этого. Собирает мужиков: так, мол, и так, желаю сделать вам удовольствие — продаю землю. Берите, недорого отдам. Мужики молчат, молчат, а потом в один голос: не согласны! У них между собой сговор был: зачем ее покупать, если даром возьмем. С тем и отъехал барин. А вскорости, с полгода времени прошло, и революция случилась. Даже две: одна — вроде бы на масленую, а другая — Октябрьская. В Октябрьскую и прибежали ребята с крахмально-паточного: ваша, объявляют, земля, мужички. Ленин велел. Видать, барин-то хитер был.

«Ребята с крахмально-паточного» — рабочие России — не как добренькие благотворители, а как союзники в деле переустройства жизни, пришли в деревню и честно сказали крестьянину: «Делай так и так». Они действовали по слову Ленина, который в конце прошлого века в своей знаменитой книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» выдвинул идею революционного союза рабочих и крестьян.

С Октябрьской революцией кончилось одиночество крестьянина, а там постепенно исчезло и его недоверие к городу, его подозрительность к городскому человеку.

Мои размышления прерывает приятельница Натальи Кузьминишны, проживающая в соседнем богатом колхозе. Ей будто бы сказали, что здесь обедает приезжий шофер, так вот она и зашла узнать, скоро ли он поедет обратно на станцию, не захватит ли ее. А то у них машины все в разгоне: которые удобрения возят, которые — корма, а одна так даже в область ушла — за кормозапарником. Она говорит об этом несколько небрежно, явно хвастая перед подругой и давая понять, что если бы не такой исключительный случай, не стала бы она искать попутной машины.

Наталья Кузьминишна задета. Она принимается, в который уже раз, рассказывать об инженере из МТС, о том, как выступал он у них на собрании, говорил, что вскорости будут механизированы фермы. Подруга слушает ее рассеянно, насмешливо поджав губы, потом перебивает:

— Покуда вы еще соберетесь, а мы уже, вона, купили кормозапарник.

— Без денег мужик бездельник, — грустно соглашается Наталья Кузьминишна.

И с печальной гордостью, как о погибшем сыне, рассказывает она мне, каким был их первый председатель, «тысячник», как хорошо жили они при нем, да и сейчас неужто было бы у них хозяйство хуже других, если бы не такое горе, что убили его на фронте, после чего, по недогляду начальства, вороватые или нерадивые люди порушили колхоз.

Много раз слышал я от Натальи Кузьминишны о первом председателе здешнего колхоза, рабочем с льноткацкой мануфактуры, и так как я никогда не видел его, то он представляется мне Давыдовым из «Поднятой целины». Это ведь единственный яркий образ двадцатипятитысячника, созданный нашей литературой. Как и казачки Давыдова, недоверчиво и враждебно встретили здешние женщины первого председателя, — в том числе и Наталья Кузьминишна, чего уж греха таить, — и так же, как Давыдова, полюбила его потом деревня за прямоту, за честность, за понимание, сколь трудна крестьянская работа.

— Нет уж, и не толкуйте мне, теперь мы должны поправиться, — снова, как утром, произносит Наталья Кузьминишна. И глядит на нас с надеждой, словно ищет в каждом подтверждения этой своей мысли.— Прежде ведь простых рабочих присылали, и то как поднялись — рукой не достать, а теперь ученые инженеры да агрономы едут.

Но тут входит шофер, и Наталья Кузьминишна с Алевтиной принимаются его угощать. Наталья Кузьминишна делает это сердечно, с чуть грубоватой настойчивостью матери, а Алевтина, как бы нехотя, с некоторым пренебрежением. Шофер, как водится, заигрывает с девушкой, говорит, что скоро приедет свататься. Алевтина отвечает, что очень, мол, надо: за шофера выйдешь — одна дома насидишься. И тогда парень, чуть гордясь, рассказывает, что он решил вернуться в МТС, на трактор, — даже в районной газете заметка была.

— Значит, в свое время сбежали! — говорит Алевтина. — А мы вот не бегали из колхоза. — И очень довольна тем, что парень смешался, посуровел.

Я выхожу на улицу. За черными и плоскими избами стоит багровое небо, предвещая ветер и мороз. Между амбарами, у околицы, видна идущая книзу дорога, подсохшая за день и розовая от заката. Посреди болотца пламенеет речка. А дальше, вплоть до осинника и тонких, как спички, столбов на шоссе, покоятся пустые поля. Из-за осинника показываются неяркие еще огни паровоза, длинный и темный товарный поезд выползает на насыпь, отчетливо стучит каждым своим вагоном на мосту и пропадает за крышами изб.

Украинский скульптор И. Гончар закончил работу над четырехметровой скульптурой Алексея Максимовича Горького. Она предназначена для памятника великому писателю в гор. Ялте.

Фото Я. Павлоцкого

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ЭТО НЕ ВТОРОСТЕПЕННОЕ ДЕЛО!»

В статье, опубликованной под таким заголовком в «Литературной газете» 12 сентября, указывалось на недостаточное внимание к производству изделий широкого потребления на Ленинградском металлическом заводе имени Сталина.

Начальник Главкотлотурбопрома Министерства транспортного и тяжелого машиностроения тов. П. Сирый сообщил редакции о том, что на заводе приняты меры по улучшению условий работы цеха ширпотреба. Цех расширяется, намечена установка дополнительного оборудования.

С нового года в цехе ширпотреба будет резко увеличен выпуск продукции. Если в этом году ножей и вилок выпускалось 95 тысяч пар, то в будущем году цех даст 300 тысяч ножей и 350 тысяч вилок.

Особое внимание уделяется повышению качества изделий, для чего вводятся дополнительные операции по полировке.

«РЕЦЕНЗИИ НА ВЕЩИ»

Заместитель министра местной и топливной промышленности РСФСР тов. А. Прокофьев сообщил редакции о принятых мерах в связи с опубликованием в «Литературной газете» 22 сентября ряда «Рецензий на вещи», изготовляемые предприятиями местной промышленности.

«О ручке автоматической...» Министерство провело совещание представителей предприятий, выпускающих автоматические ручки, совместно с представителями научно-исследовательских институтов и торгующих организаций. Намечено улучшить внешний вид автоматических ручек и повысить стойкость перьев. Конструкторскому бюро ленинградского завода «Союз» поручено разработать и представить улучшенные образцы, по которым и другие предприятия могли бы выпускать автоматические ручки. Фабрика имени Сакко и Ванцетти закончила разработку авторучки нового типа.

«...и ученической». Около 1 230 тысяч ученических ручек будет выпущено в этом году предприятиями местной промышленности.

«Козья ножка». Ленинградский завод «Союз», дав 103 тысячи готовален в нынешнем году, доведет выпуск готовален в новом году до 125 тысяч.

«Чугунок». План производства чугунно-черной посуды предприятиями местной промышленности РСФСР в будущем году составит 9 500 тонн против 7 000 тонн, выпускаемых в нынешнем году.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Законные претензии конструкторов

Нет такой машины, аппарата или прибора, которых не могло бы создать наше машиностроение. Сложный процесс рождения машины начинается в конструкторском бюро. Прежде чем воплотить новую конструкцию в металл, ее следует продумать и с предельной точностью вычертить на бумаге. Этим и занимается огромная армия советских конструкторов, чертежников, копировщиков. Но редко, к сожалению, приходится читать в печати о правильной организации труда конструкторов. А ведь в этой области — немало недостатков и, я думаю, если бы их устранить, во многих конструкторских бюро дело пошло бы куда лучше.

Конструктору необходимы удобное рабочее место, различные приспособления и инструмент. Однако на предприятиях и в институтах об этом не всегда задумываются. В законоположении по охране труда существуют нормы площади для рабочего места конструктора. В действительности же ими редко кто руководствуется. Если возникает надобность увеличить количество конструкторов, руководители учреждений, нисколько не задумываясь, втискивают в комнату, где и без того уже тесно, еще пару-другую крохотных столиков, на которых едва умещаются чертежные доски. На таком «пятачке» конструктор раскладывает приспособления, инструменты, справочные материалы, чертежи и ухитряется работать. Надо ли говорить, что подобная обстановка не способствует творческому труду конструктора, снижает производительность. Примерно в таких же условиях работают и чертежники и копировщики. И не только министерства, но и ВЦСПС мирится с этим.

Наши конструкторы создали много оригинальных и «умных» машин и приборов. Сами же творцы новейшей техники у себя на вооружении имеют, в основном, старинную конструкторскую «матушку-соху» — деревянную рейсшину. Но и рейсшин не хватает. В магазинах они продаются только посредственного качества, под названием «ученические». Уже само название свидетельствует, что для конструкторов они не годятся. А других не найдешь. Конструкторы давно усовершенствовали рейсшину, убрав поперечную направляющую накладку, снабдив линейку роликами для передвижения с помощью бечевки. Но эта инициатива не подхвачена фабриками чертежных принадлежностей. Усовершенствованных рейсшин в продаже нет.

Наиболее фундаментальное чертежное приспособление — так называемый «кульман». Он тяжел, громоздок, неуклюж, занимает много места, требует тщательной настройки чертежных линеек. Однако даже таких «кульманов» вы нигде не достанете. Нашим заводам, выпускающим чертежные машины, давно следует сконструировать более совершенные, точные, легко управляемые приспособления. Возникает, например, необходимость в такой аппаратуре, которая позволила бы конструктору, сидя за столом, вычерчивать кривую линию и видеть перед собой на экране все вычерченное в увеличенном масштабе — в сто, двести, тысячу раз. Такой прибор — проектор — избавил бы конструкторов некоторых отраслей промышленности от многих кропотливых чертежных работ и утомительных расчетов.

Давнишняя мечта конструкторов — получать светокопию чертежа, минуя копировку его тушью на кальке. Это дало бы большую экономию времени и труда. Сейчас производится эмульсированная калька, на которой конструктор чертит, с нее непосредственно снимается любое количество светокопий. Это очень полезное усовершенствование. Но во многих бюро и понятия не имеют об эмульсированной кальке: где ее взять, как с ней работать? Архитектурное управление Ленсовета изготовляет такую кальку лишь в небольшом количестве. Почему бы специальным предприятиям Министерства лесной и бумажной промышленности СССР не наладить производство эмульсированной кальки высокого качества?

Следует подумать и о другом. Ежедневно тысячи конструкторов и чертежников вычерчивают головки болтов, гайки, шайбы и шплинты — непременные детали почти всех конструкций. Если подсчитать, сколько гаек вычертил за свою жизнь иной конструктор, то получатся вагоны гаек. А вычертить одну такую гайку — значит затратить минуты драгоценного времени. Почему бы не пересмотреть ГОСТ с тем, чтобы упростить изображение гайки на чертежах? Почему бы не сконструировать штамп для каждого размера гаек, главным образом, мелких, и одним движением, в одну секунду, ставить на чертеже эту пресловутую гайку?

Наконец, необходимо в массовом масштабе применять так называемые аппликации — выпустить типографским способом в больших тиражах различные проекции наиболее часто применяемых деталей. Конструктор или чертежник вместо того, чтобы вычерчивать каждый раз одну и ту же деталь, мог бы наклеивать уже готовую.

Набор инструментов конструктора, работающего с «кульманом», состоит из карандаша, большого и малого циркуля (так называемого «заклепочника»). При работе за чертежной доской с рейсшиной прибавляются два-три угольника и измерительная линейка. Как видим, номенклатура инструментов мизерная — пять-шесть предметов. Но сколько связано с ними трудностей. Например, не решена до сих пор «карандашная проблема». Конструктору нужен хороший карандаш не только потому, что им приятнее работать,— в какой-то мере хороший карандаш для конструктора это то же, что хороший резец для токаря. А карандаши, которые выпускают наши фабрики, в частности фабрика имени Красина, малостойки, «мажут», дерево колется при заточке, твердость зачастую не соответствует марке, обозначенной на карандаше. Пора бы нашим фабрикам производить конструкторские карандаши не хуже, а лучше известных «Кох-и-Ноор», выпускаемых нашими друзьями в Чехословакии.

В продаже имеются лишь так называемые «ученические» циркули и измерители. Но кто поверит, что трудно сконструировать и изготовить отличные циркули? Кто поверит, что нет возможности выпускать тонко заточенные иголки для циркулей, хорошие рейсфедеры и другие принадлежности готовален?

Проблема эта кажется смехотворной, но факт остается фактом — хорошего инструмента для чертежных работ не делают. Кстати, несколько слов о кнопках для закрепления чертежа на доске. Ничего другого для этого не придумано. Вероятнее всего потому, что никто не думает. Но кнопки вызывают только досаду — они легко гнутся и под чертыханье конструктора летят на пол. Если зайдешь в помещение, где пол усеян блестящими «пуговками», то будь уверен: здесь работают копировщицы, чертежники и конструкторы!

Работа конструктора — творческая, и для нее важно хорошее настроение. А всевозможные «мелочи» — кнопки, карандаши, циркули портят настроение и, в известной мере, мешают работать.

Конструктор С. БОЛЬШАКОВ

ЛЕНИНГРАД

Трактор „Беларусь“

МИНСК. **(Наш корр.).** Накануне октябрьского праздника отправлена на село первая партия пропашных тракторов «Беларусь», выпущенных Минским тракторным заводом.

Трактор «Беларусь» — универсальная машина. Его давно ждали хлеборобы. Без него не могут обойтись картофелеводы Белоруссии и свекловоды Украины, он нужен на обработке кукурузных полей и хлопковых плантаций.

Новый трактор может широко применяться не только на пахоте, бороновании, культивации и севе, но и на междурядной обработке пропашных культур, в том числе и картофеля, посаженного квадратно-гнездовым способом. Машина нужна на обмолоте и очистке зерна. Трактор «Беларусь» может работать с навесными и полунавесными сельскохозяйственными машинами.

Юрий ЯНОВСКИЙ

В степи

Рассказ

Необычный вид являла собой степь.

Майские проливные дожди, зачастившие после снежного марта и мокрого апреля, сделали из пыльной равнины водное царство. В пересохших обычно балках и ярах бушевали мутные потоки, на каждом ровном участке озими или сахарной свеклы вода стояла по щиколотку. Жаворонок неутомимо трепыхался в небе, глубоко отраженном в залитой водой степи. Аист домовито бродил по зеленям, высоко поднимая из воды ноги. Шальной заяц бросался вдруг наутек со своей сухой лёжки, бег его через степь отмечался шумными всплесками. Сады цвели, стоя по колено в воде.

Старая полуторка со скамейками по правую и левую стороны открытого кузова продвигалась в туче брызг по степному проселку. Кумачовые ленты от пробки радиатора до крыши кабины да остатки лозунгов вдоль бортов давали понять, что рейс был почетный. Это возвращались домой механизаторы, ездившие в соседнюю МТС подписывать договор на соревнование во время уборочных работ. Для сокращения пути махнули обратно проселками, а не мощенкой, и теперь сполна расплачивались за короткий маршрут. Не случайно говорится в народе: вез дед бабу напрямик, да и по сей день в пути!

Неисчислимое множество раз пришлось вытаскивать полуторку из колдобин. Недвижное марево степи часто оглашалось бодрыми возгласами: «Раз-два, взяли! Раз-два, взяли!!». К началу нашего рассказа вид едущих в машине убедительно подтверждал липучесть степного чернозема и живописность сочетания с ним ярких колеров местной глины на пиджаках и фуфайках.

На правой скамейке восседало четверо: Иван Калистратович—заведующий мастерской МТС, Волошенко — бригадир передовой тракторной бригады, Грицко Довгий—машинист молотилки, дядько Федос—старейший работник станции, секретарь ее партийной организации, участник еще первой мировой войны и Октябрьской революции.

Напротив на скамейке помещалось также четверо: комбайнер Петро, рядом с ним — тракторист из бригады Волошенко, державший на коленях плоский футляр из черной плотной клеенки, рядом с трактористом — юный слесарь Володя и бабка Феня, ехавшая по приглашению Ивана Калистратовича в гости к его жене. Кабина была занята сестрами Надей и Настей, они поочередно вели машину.

Ехать было весело. Много пели, и для особо ответственных номеров программы переводили в кузов Надю и Настю, заменяя их у баранки безголосым Грицком Довгим. В промежутках между песнями рассказывали смешные жизненные истории, спорили о механизмах, ставших актуальными нынешней весной: зерноочистительных агрегатах с одновременной сушкой, ползунковой и тросовой волокушах для уборки соломы после комбайнов. Снова пели, и песням не было конца, как не было, казалось, конца залитой водой степи.

Подкреплялись во время пути, как положено механизаторам, солидно и обильно. Предпочтение отдавали полукилограммовому куску сала да луковице размером с кулак. Хлеб ели пшеничный, того крупного помола и крутой выпечки, какие приняты в степном колхозном быту. Иван Калистратович оказался человеком запасливым, и в нужную минуту все ехавшие получили приятную возможность, как говорится, поцеловать чарку. Водка была настоена на корнях степного «калгана», и, принимая во внимание, что уже Богдан Хмельницкий знал, как пользует «калган» доброго человека «от семидесяти семи хвороб и от живота», надо отметить, что путешествующие механизаторы пили не зря.

Дядько Федос, любимый всеми и уважаемый, сделал попытку в сотый раз рассказать, как в дни Октября его самокатная часть гоняла по Петрограду самого Керенского, но рассказ все знали во многих вариантах и потому перебили рассказчика задиристой песней. Далеко впереди у дороги замаячило что-то.

Среди озера дождевой воды на дорожном камне сидел средних лет гражданин, держа перед собой чемодан. Позади него на полевой дороге виднелись красноречивые следы колес подводы, доставившей гражданина к проселку и круто повернувшей затем обратно, предоставив седока его судьбе.

— Пароход подан! — закричал из кузова смешливый слесарь Володя, когда полуторка остановилась рядом.

— Садись, человече,— приветливо сказал Иван Калистратович, — подбросим в людные места...

— Поставишь ведро пива, будем в расчете,— низким басом прибавил тракторист с футляром на коленях.

— Себе дороже, — мрачно изрек гражданин, не шевелясь на своем дорожном камне.

— Сидай, сидай! — нетерпеливо крикнул из кабины Грицко Довгий.— Не нуждаемся твоим пивом!

Гражданин подал чемодан в кузов, неуклюже полез через борт. Полуторка взвыла, не находя опоры на скользкой глине, потом пошла, лихо съезжая боком с пригорков, взметая столбы воды и грязи.

Тракторист вытащил из клеенчатого чехла музыкальный инструмент,— это оказалась старенькая бандура,— приготовился аккомпанировать. Механизаторы в честь нового пассажира грянули песню «На городи верба рясна»,— голоса Нади и Насти хрустальными колокольчиками вплелись в хор басов и баритонов. Надо сказать, однако, что новый пассажир песни не поддержал. Выражение его лица было такое, словно он взял в рот незрелое яблоко-кисличку и выплюнуть никак не решался. Бодрые припевы «Раз-два, взяли!» часто прерывали песню, но и в них гражданин с чемоданом не вплетал свой голос. Он сидел замороженный и посоленный, не участвуя в авралах.

Степь медленно тускнела, хотя солнце палило попрежнему. Все реже звучали в машине песни и шутки. Бандурист запрятал инструмент обратно в чехол. Надя, к которой был неравнодушен комбайнер Петро, пересела от него, поменявшись местом с Володей. Все поняли, что оставшаяся дорога будет скучной и длинной. Дядько Федос сделал попытку вернуть настроение рассказом о том, как Керенский удирал из Зимнего дворца. Но и это воспоминание, всегда вызывавшее гомерический хохот, успеха сейчас не имело.

Гражданин несколько раз молча открыл и закрыл рот, потом сказал:

— Все погибнет. От воды.

— А что именно? — подмигнул Наде Волошенко.

— Все. Урожай. Сады. Рыба. Пчелы. Коровы сократят удой...

— По торговой линии работаете? — поинтересовался дядько Федос, расправляя широким жестом могучие усы.

— Не угадали.

— Утильсырье? Финагент?

— Опять не в точку.

— Разве не видно, — на полном серьезе подсказал Петро, краем глаза наблюдая за изменницей Надей, — это главный начальник похоронных церемоний!

— Нет, на самом деле? — дядько Федос наклонился к новому. — Может, на погоде сидите? Прогнозы, так сказать?

Все чуть было не засмеялись.

— Не угадали. Зоотехник.

— Да ну? — удивился Иван Калистратович. — А хозяйство чье?

— «Волна Октября».

— А, Кондрат Карпович! Крепкий председатель! В известном коллективе работаете, простите, не знаю, как вас величать...

— Мекекечко Василь...

Юный Володя фыркнул непроизвольно, Надя и Настя — за ним.

— Абсолютно нечего ржать, — подозрительно серьезным голосом укорил их Волошенко,—фамилия вполне! Мекекечко.

— Был я у вас на ферме, — мечтательно начал Петро.—Фекла Харитоновна еще работает? Да что я спрашиваю! Доярка по всей области гремит... Коровы у нее, а? На «вы» с ними разговаривай, иначе молока не жди!..

— С машинами тоже на «вы» надо обращаться, если хочешь, чтоб работали,— заметил дядько Федос.

— Например, возьмем мелочь—сторож на ферме... Какая разница, что у него за характер? Алкоголик или меланхолик, — абы работал честно. А Фекла Харитоновна раз-два и — выставила сторожа с фермы. Что такое, что случилось? Дескать, позволяет себе курить в коровнике, груб в обращении с коровами-рекордистками, нервирует...

— Ничего удивительного, — забыв о размолвке, обратилась к Петру Надя, — разве мой трактор не чувствует, когда у меня плохое настроение? А корова ж не железная!

— Просто глупая баба ваша Фекла Харитоновна, — махнул рукой зоотехник,— дикарка...

— Долго вы с ней работаете? — деликатно спросила Надя.

— До сегодняшнего дня. И шабаш.

— По личному заявлению или какое упущение по службе? — пожелал уточнить Иван Калистратович.

— Уволен за пессимизм.

Все промолчали, считая, что ослышались.

— Да, вот именно, — подтвердил зоотехник, — за это самое. Позвал сегодня Кондрат Карпович на правление и спрашивает: «Скажи нам, Мекекечко, ты когда-нибудь в жизни смеялся?» — «Не смеялся и смеяться не намерен!» — «И не улыбался?» — «И не улыбался. Смех к зоотехнике не относится!» — «Как не относится, если у тебя телята дохнут?! При радостном труде телята не дохнут! Возьми-ка свой чемоданчик, друже Мекекечко, вон там стоит и ждет тебя запряженная подвода, поезжай себе в район за новым назначением...»

— Несправедливость,—притворно вздохнула Надя.

— Понятное дело, — поддержал Надю Петро, полегоньку отпихивая от себя Володю, надеясь, что Надя сменит гнев на милость и снова сядет рядом с ним.

— А еще что было на правлении? — спросил дядько Федос, улыбаясь в усы.

— Ничего. Если б они сказали, что я не читаю брошюр, не прохожу с доярками техминимум, без халата принимаю телят,— тогда другое дело... Это все так, в этом виноват. Так скажи — за это увольняем. А то — пессимизм...

— Улыбку спрашивали?

— Дикари. Не понимают, что смех унижает человека. Что в нем полезного, благородного? Ничего...

— Вы так думаете? — спокойно прервал зоотехника дядько Федос, одной рукой по привычке расправляя богатырские усы, ладонью другой стуча по крыше кабины, чтобы остановить полуторку. — А слазь-ка ты, товарищ Мекекечко, да иди ты себе, бисов сын, пешечком!

Зоотехник не успел открыть рта, как машина остановилась, он снова очутился один на залитой водой дороге, с уходившей машины к нему донеслись дружные аплодисменты.

Полуторка лихо пробивалась все дальше и дальше, с новой силой звучало бодрое «Раз-два, взяли!», бандура вновь появилась из чехла на свет, голоса грянули, и развеселая песня в полную мощь загремела над степью.

ЗАМЕТКИ О ЛИРИКЕ

ПО СТРАНИЦАМ УКРАИНСКИХ ЖУРНАЛОВ

Л. НОВИЧЕНКО

1. Творческие достижения украинской советской поэзии обеспечили ей видное место в многонациональной поэзии народов Советского Союза. Лучшие стихи украинских, так же как и всех советских, поэтов, вдохновленные идеями коммунизма, советского патриотизма, оказывали и оказывают серьезное воспитательное воздействие на сознание нашего читателя. Развиваясь на основе усвоения огромного положительного опыта русской литературы, украинская советская поэзия в то же время отличается яркими самобытными чертами, унаследованными от своих великих предшественников — Шевченко, Франко, Леси Украинки.

Успехи прошлых лет, однако, не позволяют закрывать глаза на то, что в украинской поэзии есть и серьезные недостатки. К невеселым выводам, в частности, приводит ознакомление с лирическими стихами, помещенными в этом году в литературно-художественных журналах Украины.

Было бы несправедливо замалчивать отдельные удачи, имеющиеся почти у каждого из выходящих в республике четырех «толстых» журналов. В печати уже отмечались политически острые, насыщенные подлинной страстью стихи Д. Павличко «Плюю на папу!» («Жовтень», № 3). Среди новых работ молодого львовского поэта особенно выделяется его «Ответ родителям» («Вітчизна», № 9) — произведение, примечательное по искренности и силе чувства, с которым лирический герой отвечает на советы «быть поосторожнее» в выступлениях против бандеровско-ватиканской шайки.

Именно на такого рода стихах подтверждается простая истина, что лишь там, где есть глубокое личное переживание большой темы и где поэт не просто «откликается» на события, а убеждает, спорит, обличает, активно вмешивается в жизнь,— лишь там возникает настоящая, волнующая поэзия.

Проникнутые искренним волнением строфы можно найти в стихах А. Малышко, посвященных теме братского единства русского и украинского народов («Дніпро», № 9), в цикле И. Рядченко «Морские мотивы» («Советская Украина», № 1), в «Студенческой лирике» молодого харьковского поэта Ю. Герасименко («Дніпро», № 6). Но не этими стихами, к сожалению, определяется лицо лирической поэзии в украинских журналах.

Приходится сказать, что слабовато звучит голос поэтов в «нашей буче, боевой, кипучей»! Дело не только в том, что даже в количественном отношении журналы сейчас печатают стихов заметно меньше, чем прежде, и что с новыми произведениями в этом году почти не выступали многие видные поэты — М. Бажан, М. Рыльский, В. Сосюра, Л. Первомайский. Главное заключается в том, что значительная часть напечатанных журналами лирических стихов бледна, неинтересна, малосодержательна. Слишком мало появилось произведений, которые запоминались бы читателю, будили его мысль, открывали перед ним новые стороны жизни, доставляли художественное наслаждение совершенством формы. В то же время печатается много стихов, по смягченному ходячему определению «средних», а точнее говоря,— посредственных и серых.

На недостатках, в какой-то мере общих многим произведениям, мы и хотим остановиться подробнее.

2. Идиллическое, созерцательное изображение действительности глубоко чуждо духу советской литературы. Поэт, для которого стремление активно двигать жизнь вперед является не отвлеченным тезисом, а органической чертой характера, не будет изображать действительность лишь с ее парадной, праздничной стороны; он не станет замалчивать трудностей и препятствий, стоящих на пути нового, именно потому, что он кровно заинтересован в их преодолении. Почему же при чтении журнальных стихов может показаться, что многие поэты живут в каком-то «бесконфликтном» мире, мире без тревог и страстей? Перед лирическим героем некоторых стихов как будто и не встает никаких задач, требующих его личного участия, не возникает никаких вопросов, ему чужды всякие волнения и тревоги...

Нельзя ничего возразить против темы любого из произведений, опубликованных в седьмом номере журнала «Советская Украина» под рубрикой «Лирические стихи». И «Веточка», и «Васильки», и «Сирень цветет», и многое другое — жизненно, близко сердцу читателя и, стало быть, имеет право на существование в поэзии. И все же впечатление поэтического мелководья не покидает нас при чтении большинства этих стихов. Ведь не заказаны же лирике и глубокие, серьезные раздумья, и темы, исполненные драматизма, и страстный спор с неправильными взглядами — в том числе и в вопросах сугубо «интимных». А таких стихотворений в этой «подборке» нет. Отголосок житейских осложнений слышен лишь в стихах А. Рывлина «У дороги» и «Над рекой», затрагивающих тему неудачной любви. Однако автор, по свойственной ему манере, торопясь подогнать все стихотворение к «острой» концовке, порой пропускает или же комкает самое интересное и важное. Почему, например, «ей — неугомонной и неровной, слишком ровным показался я»? Может, перед нами действительная противоположность характеров или же произошла ошибка, обидное недоразумение? Оставив этот вопрос без ответа, поэт тем самым лишил себя возможности раскрыть ту сложность, противоречивость отношений между людьми, которая встречается в живой действительности.

Разнообразный жизненный материал лег в основу лирических циклов П. Дорошко «Дальние путешествия» («Вітчизна», № 2), В. Ткаченко «Каховские стихи» («Дніпро», № 4), В. Швеца «Из стихов о Бориславе» (Дніпро», № 5), П. Воронько «Лирические песни» («Жовтень», № 2) и др. Не будем входить в подробный разбор этих произведений, среди которых есть отдельные неплохие стихи. Обратим внимание на другое. Циклы, столь разные по «объектам» изображения, по существу похожи друг на друга своим описательным характером, отсутствием, в большинстве случаев, самостоятельного художественного осмысления жизненных явлений, однообразием способов решения темы, спокойно-созерцательным, а порой безмятежным настроением. Почти в каждом есть образ передового советского человека — героя созидательного труда, но поэты изображают преимущественно результаты его свершений, не показывая, **как, какими усилиями, в какой борьбе** они достигаются. Из поля зрения поэтов совершенно выпали явления отрицательные, которые имеются еще в нашей жизни и с которыми борются советские люди, а ведь ясно, что, утверждая все светлое и прекрасное, лирик может и **должен** говорить и о недостатках, как умел говорить об этом Маяковский. Характерно, наконец, что в этих циклах очень мало стихотворений с ясно очерченным сюжетом, с напряженным внутренним развитием темы, с резким противопоставлением разных взглядов, точек зрения, вкусов.

Речь идет, конечно, не о том, чтобы подсказывать авторам ту или иную «рецептуру». В данном случае имеется в виду другое: и в выборе тем и в самой их художественной трактовке значительная часть поэтов проявляет склонность к «облегченному», внешнеописательному изображению жизни, а это не может не вызывать возражений.

Одним из примеров непонятной легковесности могут служить упомянутые «Лирические песни» П. Воронько. Тут — и танцующий с передовой работницей... экскаватор, и какая-то странная разлука с любимой, длящаяся целые годы (судя по тому, что «уже повырастали» совместно посаженные когда-то деревья), и навязчивые «предсказания», ни с того, ни с сего адресуемые первой встречной девушке... Жаль, что талантливый поэт позволяет себе иногда выступать с такими псевдолирическими пустышками.

Радость и полнота жизни для советского человека, воспитанного партией коммунистов, неотделимы от борьбы, труда, постоянного движения вперед, от страстного стремления изменить, преобразовать мир. «Быть коммунистом — значит дерзать, думать, хотеть, сметь...» Вот таким — думающим, желающим, дерзающим во всю силу своего ума и сердца—хочется видеть лирического героя в стихах каждого из наших поэтов.

3. Человек в реалистическом искусстве — всегда характер. Лишь путем яркого раскрытия индивидуальных, неповторимых черт, свойственных именно данному, «этому» человеку, создается типический образ, воплощающий сущность той или иной социальной силы.

Когда поэт-лирик в своем стихотворении рассказывает об определенном человеке, у него, конечно, иные средства построения характера, чем у романиста или драматурга. Возможности индивидуализации в лирике, естественно, ограничены. Очень многое здесь не изображается непосредственно и очень многое может досказываться «от себя» самим поэтом — ведь его авторское восприятие, его переживание стоит обычно на первом плане. Но при всем этом, если в стихотворении есть конкретный «герой», он должен восприниматься читателем именно как живая характерная личность, иначе его образ в художественном отношении окажется фикцией.

Сейчас на страницах украинских журналов уже почти не встретишь стихов, в которых изображение человека сводилось бы к описанию особенностей его профессии. Однако, читая стихи, напечатанные в нынешнем году, замечаешь, что даже некоторые опытные поэты все еще недостаточно заострили слух и зрение на характере изображаемого человека, на индивидуальных особенностях его душевного склада, на всем примечательном в его портрете, во внешнем облике. Вследствие этого герой иных стихотворений больше выступает не как личность, а лишь как некий «носитель фактов».

В лучших стихах П. Дорошко, вошедших в его книги, слышны живые человеческие голоса героев. Но вот перед нами «Рассказ механика с «Арала» («Вітчизна», № 2). Бесцветно выглядит на сей раз герой поэта, ибо что дает воображению читателя такая анкетная справка:

Трудився, учився, уперто брав
Щабель за шаблем угору,
За вісім літ механіком став,
Знавцем по дизель-мотору.
Буксир «Арал» — корабель незначний,
Не те, що, скажем, «Росія».
Але — підраховувати почни,
Побачиш — він також сила.

В рассказе механика нет выразительных деталей; мы не находим в нем ни одного характерного, меткого слова, не видим ни одного внутреннего «жеста» и поэтому ни в малейшей мере не ощущаем характера героя. А вот за тремя строками знакомого с детства стихотворения: «Забил заряд я в пушку туго и думал: угощу я друга! Постой-ка, брат, мусью», — читатель сразу видит не только картину происходящего, но и колоритный образ рассказчика.

Каждый из наших поэтов выражает мысли и чувства, общие для всех советских людей, но каждый настоящий художник выражает их по-своему. В основе того, что применительно к отдельному поэту называется обычно художественной оригинальностью, лежит именно своеобразие лирического героя. Как всякий типический характер, лирический герой одновременно и типичен и глубоко индивидуален, неповторим в своем конкретном выражении. И поскольку мы хотим, чтобы у нас было много поэтов «хороших и разных», — мы хотим яркого людского многообразия лирических героев нашей поэзии.

Читая журнальные стихи, нельзя не заметить, что некоторые поэты как бы остерегаются вносить в лирику свое «я», предпочитая каждый раз этому местоимению даже не множественное, вполне понятное «мы», а, можно сказать, некую абстрактную «средне-статистическую» величину, от лица которой и выступает поэт. В частности, это относится к способному, но слишком уж «ровному» ужгородскому поэту П. Горецкому, стихи которого («Жовтень», № 3) лишены всяких признаков **личного** переживания, **личного** участия в изображаемых событиях. Не потому ли они так полны «общими местами», так декларативны и поверхностны?

Конечно, содержание лирического «я» может быть всяким. Плохо и нетерпимо, когда поэт обнаруживает склонность замкнуться в мирке своих мелких, сугубо личных переживаний. Это — чуждая нашему обществу индивидуалистическая лирика. Но когда поэт стремится выразить мысли и чувства всего народа, то личный, автобиографический элемент отнюдь не отводит его в сторону, а, наоборот, играет чрезвычайно важную роль, непосредственно приближая содержание произведения к жизненному опыту читателя. В качестве примера можно напомнить, что поэтическая песня песней советского патриотизма — «Стихи о советском паспорте» — это рассказ о происшествии, случившемся с **самим поэтом** — Владимиром Владимировичем Маяковским!

4. Глубокая искренность, полная слитность «голоса ума» и «голоса сердца» — неотъемлемые качества высокоидейной реалистической поэзии. Эмоциональный накал поэтического произведения, правдивость, с которой выражены в нем мысли и чувства людей, всегда живо ощущаются читателем. Однако наша критика не столь внимательна к эмоциональному элементу произведения; бывает, что она довольствуется логически правильным, но бесстрастным, лишенным «сердечного жара» стихотворным пересказом известных истин и положений, принимая за поэтический пафос лишь его внешнее подобие.

Стихи крупнейшего украинского поэта П. Тычины почти всегда отличаются напряженностью мысли, философской углубленностью. Но иногда поэт, как нам кажется, идет к раскрытию своей темы кратчайшим путем, через отвлеченные понятия и категории. Не потому ли его разговор с читателем в некоторых стихах утрачивает то обаяние задушевности и непосредственности, которое так ценно в лирике? Такое впечатление производит, например, стихотворение П. Тычины «Тамара Абакелия работает над памятником Лесе Украинке» («Дніпро», № 8). В монологах героини высказываются верные и важные мысли, но от них веет холодом умозрительности:

Нові мої творіння — героїчне
відсвітять теж. Якою я створю
тебе, моя ти люба Лесю? Зичне
шоб в ній було! «З народом говорю» —
ось основний мотив. Бо що ж е вічне
без цього? Стій, я вся тремчу... горю...

Не говоря уже о неловкости восклицания: «**Стой...** я трепещу...», или о том, что эпитет «зычное» как-то мало подходит к мужественному и вместе с тем по-женски нежному поэтическому облику Леси Украинки, в приведенных стихах как раз и не чувствуется взволнованности художника, постигшего всю красоту героического образа. А это — весьма ощутительная потеря для поэзии...

Рассудочность и умозрительность появляются, как правило, там, где поэт не вносит в образы свое личное переживание или же где он почему-либо чувствует себя неуверенно в изображении того или иного явления, вследствие чего живое течение мыслей и чувств направляется в узкое русло оголенной, упрощенной схемы. Так возникают произведения, в которых наперед заданная логическая «стройность» нередко приходит в противоречие с психологической правдой, что, в свою очередь, неминуемо обедняет, засушивает эмоциональное начало стиха.

В задачу этой статьи не входят анализ и оценка интересной по замыслу поэмы А. Пидсухи «Обретенное счастье» («Вітчизна», № 6), в которой рассказывается о потере любимого человека, о пережитой героем драме и о вновь обретенной им полноте личной жизни. Скажем лишь об отдельных «частностях» этого произведения.

Налетом дидактизма обесцвечены и засушены некоторые главы поэмы, а ведь это поэма о любви! Назидательные рассуждения и объяснения встречаются даже там, где они совершенно излишни. Вот мать невесты по возвращении юноши с фронта обстоятельно обосновывает, почему она ждала не только дочь, но и любимого ею человека: «Однаково вас виглядала обох. Обох вас! Так мусило бути! Так треба! I щастю б своєму не віддали меж. Яка б то була в неї радість без тебе. А раз у дочки, то й у матері теж?» А зачем это, собственно, объяснять и «аргументировать»? Разве любящая мать может чувствовать иначе?

Главным недостатком в поэме А. Пидсухи нам кажется то, что поэт словно бы не верит в **человечность** самого **чувства** любви и поэтому сплошь и рядом заставляет героя сугубо рассудочно анализировать и «согласовывать» совершенно естественные и невинные побуждения.

Оставляем в стороне сюжет поэмы, из которого явствует, что горестей неразделенной любви, коллизий соперничества и т. д. для данного героя вообще не может существовать, поскольку он разрешает себе влюбиться в понравившуюся девушку не раньше, чем удостоверяется, что она покинута прежним возлюбленным... Вот одна особенно примечательная сценка. Пережив боль утраты, герой начинает подумывать о возможности новой любви. Но еще и любви этой нет, и имя будущей подруги не известно, а он уже направляется — и не к кому другому, а именно к матери своей погибшей невесты, — теоретически обосновать «данный вопрос». Лишь после этого объяснения герой идет... влюбляться. Поэту показалось мало молчаливого взаимного понимания двух хороших советских людей, и он дидактическим вмешательством нарушает всю правду и естественность жизненной ситуации.

Между тем общая идея, положенная в основу поэмы, верна и плодотворна: поэт утверждает высокую человечность и благородство, которые социалистическая жизнь вносит в «извечные» чувства людей, говорит о силе и действенности новой морали, созданной советским строем. Но из-за того, что он не поверил в самые жизненные, человечные чувства героя и не дал им развернуться в полную силу, изображение душевного, эмоционального мира героев в его поэме получилось холодноватым, рассудочным и, в целом, приглушенным.

Неумение показать душевный мир советского человека во всей его полноте заметно и в стихах некоторых других украинских поэтов. Этим в значительной степени объясняется бедность эмоционального «отклика», который находят такие произведения в сознании читателя. Да что греха таить, — часть наших лириков вовсе забыла многие темы, связанные с так называемыми «личными» отношениями советских людей, — а без них не полна жизнь, не полна и поэзия.

Иван ТАРБА

Раскрытая книга

Он держал не перо,
а мотыгу
В заскорузлых крестьянских
руках.
И лежала земля,
словно книга,
Что не мог прочитать
он никак.
И его, не как нынче, не к
школе
С детских лет
из родного села, —
В кукурузное
скудное поле
Неширокая тропка вела.
Он полжизни трудился
упорно,
Голодал и с мотыгой в руках
Был рабом бессловесным,
покорным, —
Видно, правды не знал
языка.

Но однажды
за русским солдатом,
Положившим терпенью
конец,
Зашагал мой отец,
как за братом,—
Вслед за правдой
пошел мой отец.

И пылало абхазское небо
Над огнем всколыхнувшихся
сел,
Пусть отец мой за партою
не был, —
Революции школу прошел.
В бой идя с батальоном
ударным,
Новым чувством дыша и
горя,
Там,
В окопах,
С путиловским парнем
Изучил он
язык Октября.

И теперь уже в прошлом
мотыга,
Свет рассеял гнетущую тьму.
И земля,
как раскрытая книга,
Каждой строчкой понятна
ему.

Перевел с абхазского
А. КРОНГАУЗ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

В ХАКАССИИ

На юго-западе Красноярского края простирается Хакасская автономная область. В прошлом население ее степных улусов не имело даже своей письменности; ныне в Хакассии выросла своя интеллигенция, появилась своя литература, имеется областная писательская организация.

Кроме альманаха «Огни Хакассии» (издаваемого на хакасском и русском языках), скоро начнет выходить на русском языке альманах «Абакан». В его первом номере публикуются: пьеса Михаила Кильчичакова «Всходы» — о коллективизации хакасских улусов, новые рассказы Сергея Чаркова, Ивана Котюшева и Ивана Костякова — о людях колхозного труда и другие произведения, впервые переведенные на русский язык.

***

Сектором литературы Хакасского научно-исследовательского института языка, истории и литературы подготовлены к печати сборники хакасских народных сказок и избранной прозы местных авторов.

В Хакасском книжном издательстве недавно вышла первая книга стихов молодого автора, русского учителя Петра Мухина.

***

В Абакане и городе сибирских угольщиков — Черногорске состоялись литературные вечера, организованные Хакасским отделением ССП. На вечерах выступили с чтением своих произведений хакасские и русские литераторы. В ближайшее время предстоит поездка группы хакасских литераторов в Красноярск для выступлений на читательских конференциях.

(По материалам литературной страницы газеты «Красноярский рабочий»)

У ОРЛОВСКИХ ЛИТЕРАТОРОВ

ОРЕЛ. **(Наш корр.).** Областное издательство и местное литературное объединение устроили обсуждение рукописей повести учителя С. Тимохина «Живой родник», посвященной воспитанию школьников, и сборника рассказов редактора районной газеты Д. Головина «На рыбалке».

Шесть научных работников и колхозных животноводов Ливенского района, Орловской области, удостоены Сталинской премии за выведение новой высокопродуктивной породы свиней. Местное издательство недавно выпустило в свет книгу «Ливенский клад», повествующую об успехах ливенских животноводов.

Новые книги

Белинский В. Полное собрание сочинений. Издательство Академии наук СССР. Т. I. Статьи и рецензии. Художественные произведения. 1829—1835. 574 стр. Цена 20 руб. Т. 2. Статьи и рецензии. Основания русской грамматики. 1836—1838. 768 стр. Цена 20 руб.

Драа Я. Знамя. Рассказы и повести. Перевод с чешского. Издательство иностранной литературы. 232 стр. Цена 7 руб. 5 коп.

Казакевич Э. Весна на Одере. Роман. «Советский писатель». 486 стр. Цена 9 руб. 20 коп.

Мартьянов И. Часовой мира. Стихи. Ивановское книжное издательство. 64 стр. Цена 75 коп.

Неклюдова О. Повесть о школьном годе. «Советский писатель». 312 стр. Цена 5 руб. 40 коп.

Резник Я. Рассвет над Влтавой. Роман. Киев. «Радянський письменник». 362 стр. Цена 5 руб. 30 коп.

Стрельченко В. Стихи. «Советский писатель». 124 стр. Цена 2 руб. 30 коп.

Тряпкин Н. Первая борозда. Стихи. «Молодая гвардия». 87 стр. Цена 1 руб. 95 коп.

Усиевич Е. Ванда Василевская. Критико-биографический очерк. «Советский писатель». 160 стр. Цена 2 руб. 45 коп.

Драматический коллектив Дома культуры в городе Новозыбкове Брянской области за два года поставил свыше 20 пьес советских драматургов и русских классиков.

На снимке: **финальная сцена из пьесы Островского «Богатая невеста». Роли исполняют: Цыплунов — художник Д. Т. Сулоев, Цыплунова — домашняя хозяйка З. П. Котова и Белесова — машинистка горкома комсомола К. А. Сулоева.**

Фото И. Рабиновича

НЕРЕШЕННАЯ ТЕМА

Существует в науке понятие «зона комфорта». Так именуют искусственные благоприятные температурные условия, при которых в организме без всяких препятствий происходит теплообмен. Это, так сказать, атмосфера приятной теплоты.

Для иного писателя нет ничего легче, чем, избегая всяких излишних тягот и осложнений для своих героев, поместить их в этакую «зону комфорта».

Действие романа Е. Пермяка «Драгоценное наследство» развертывается на Урале: в крупном промышленном центре, в деревне, в стенах ремесленного училища. Герои книги — ребята-«ремесленники», рабочие, колхозники. Но напрасно было бы думать, что ремесленное училище, описываемое в романе,—обыкновенное РУ. Это дворец с плавательным бассейном, двусветными залами и роскошными действующими моделями шахт.

Деревня Чиграши, родина Андрея—главного героя книги,— это не обычная уральская колхозная деревня со всеми ее достижениями и трудностями, а агрогород с яхтой на искусственном водохранилище, со «своим» сельскохозяйственным училищем, с водопроводом и с председателем колхоза, которому не приходится заботиться об урожае и только остается мечтать о «местном Волго-Доне».

Естественно, что в подобных условиях не могут существовать люди обыкновенные. Поэтому, например, все герои романа — писаные красавцы и красавицы: «красавица Васюта, ныне бабушка Поликарпиха»; «она (сестра Варя.— **М. Щ.**) для него была образцом красоты, единственной и неповторимой»; «в старом мастере было необыкновенно красиво все: и седая борода... и нос картошинкой» и т. д.

На жизненном пути персонажей не стоит никаких реальных трудностей. Деревенский мальчик, уверовавший почти с пеленок в свою сталеварскую звезду, исключительно ради этой звезды бросает общеобразовательную школу, где он был лучшим учеником, и затем в городе, в промежутках между чтением Лукреция (!) и организацией соревнования и самокритики в училище, вдохновенно, без всякого труда, «на слух», познает секреты «огневой профессии». На второй год обучения он уже сам изобретает домну-конвейер, какой нет нигде в мире, а спустя еще немного, не дожив до усов, вдруг бросает свои приличествующие возрасту занятия и садится писать мемуары о прожитом и содеянном.

Добавьте еще, что это мальчик, «тонко и поэтически чувствующий», у которого постоянно «сладко» и «учащенно» бьется сердце, и вы поймете, что это изящный тюльпан, какие — увы!— не произрастают на реальной житейской почве.

Там есть и девочка, вполне под пару нашему герою, озабоченная прежде всего перевоспитанием своих братьев, у которых сильны пережитки прошлого. В «мыслях про себя» она записывает такие слова: «Вася в третье поколение перенес дедовские (по папе) отголоски. Вася, не замечая сам, является отголоском того, что противно было моей маме и, конечно, мне».

Естественно, что когда на новогоднем вечере эти чудо-девочка и мальчики танцуют полонез, то об этом сказано такими словами: «На них нельзя было не обратить внимания. Не только потому, что они безукоризненно строго и нарядно одеты, что их лица были свежи и прекрасны, как их возраст, но и потому, что они, может быть, не думая, сообразуя шаги друг с другом, говорили всем своим существом о величайшей дружбе и взаимном уважении двух равных половин человечества».

Многие стороны жизни советских учащихся, простых рабочих ребят носят в романе какой-то экзотический колорит. Переписку с родной деревней Андрей, например, предпочитает вести не каким-нибудь прозаическим способом, а через почтовых голубей. У другого мальчишки старший брат содержит специально для него целый парусный корабль, сентиментально названный «Милый брат».

На новогоднем вечере ремесленники переодеваются в... «фавнов» и в концерте училищной самодеятельности последним номером «большого каскада ослепительно ярких зрелищ» смотрят... живую картину по известному полотну Репина «Пушкин на лицейском экзамене».

«Оживший Пушкин» обращается к залу с такими стихами:

Как любо вновь мне оживать
Здесь, в стенах нового лицея,
И вас друзьями называть...
Жив, молодежь, в твоем лице я.

Воспроизведя эти строчки, автор комментирует: «Гутя в оцепенении... слушала ожившего Пушкина, говорившего на таком родном и дорогом языке, какого нет и не может быть лучше на всем белом свете!..»

Мы много говорим о неумении некоторых писателей видеть подлинные трудности, противоречия и конфликты. Е. Пермяк решает эту проблему просто. В ремесленном училище «борются» две линии в руководстве: одна линия директора Полозова, стоящего за строгую дисциплину, непонятно почему осуждаемая, и другая — линия доктора Говорова, воспитательницы Анны Сергеевны и коменданта общежития Луши. Эта линия «отличалась располагающей простотой, сердечностью, она предоставляла ребятам бо́льшую самостоятельность».

Вот как распекает директор пятнадцатилетнего Андрея Чиграшова: «Геннадий Иванович... приблизился к Андрею, и его рука сделала непонятное судорожное движение.— Послушай, ты... Однодневный герой серьезничающего мальчишества... Тебе не кажется, что ты всего лишь мушка? Каких тысячи... Мушка, попавшая в луч общественного внимания... Попала мушка в луч и зазолотилась на свету. Зазолотилась мушка и вообразила себя золотой и необыкновенной...» Вслед за этим директор в бешенстве пишет приказ об увольнении Чиграшова из училища. После двух страниц «внутренней борьбы» директор осознает недостатки своей «политики» в училище. Он прощает Андрея и добровольно уходит с директорского поста. Вскоре этот инцидент уже полностью исчерпан. Уходящему на покаяние директору устраивается своеобразный «прощенный день» с приветственными адресами, подарками и поцелуями коллег.

Внутренний мир героев изображен напыщенно и надуманно. Неестественно, например, переданы переживания Андрея, когда товарищи избирают его комсоргом или когда он получает паспорт.

Лакировка действительности в книге доходит местами до невыносимой слащавости. Вот на станции провожают молодежь в ремесленное училище. Ребята заходят в буфет и заказывают сидр. И в то время, как они пьют «шипучий яблочный напиток», раздается елейный голос автора: «Никто из присутствующих не обвинил ребят в этом первом шаге самостоятельной жизни. Да и что было предосудительного в нем?»

А вот еще пример. После многолетнего раздора мирятся два старика — почетный сталевар, депутат Верховного Совета СССР Мефодий Солодов и дед Андрея Чиграшова — Поликарп. Примитивно написана сцена примирения. Мудрый наставник молодежи, изящный старец, у которого даже «нос картошинкой» пропорционален и красив, спотыкаясь, бредет в обнимку с дедом Поликарпом по улице после того, как ими была «раздавлена чекушка», и раздается хриплое: «Шумел камыш, деревья гнулись...»

Впрочем, автор верен себе и здесь: «Никто не осудил этих уважаемых всеми стариков за то, что оба они были под хмельком... Да и были ли пьяны они?» и т. д.

Нет надобности специально останавливаться на языке произведения, — ведь все, о чем написано выше, это и есть «язык»!

Досадно, что благодарный материал книги — о жизни и быте молодого поколения рабочего класса, о котором еще так мало написано у нас, не нашел достойного художественного воплощения. Первое издание романа «Драгоценное наследство» в свое время вызвало отрицательные отзывы читателей и критики. Трудно понять, чем руководствовалось издательство «Молодая гвардия», спешно переиздав явно не удавшуюся книгу.

М. ЩЕГЛОВ

Е. Пермяк. «Драгоценное наследство». Роман. 2-е, переработанное издание. «Молодая гвардия». М. 1953 г. 461 стр.

Чешские художники в Ленинграде

ЛЕНИНГРАД. **(Наш корр.).** Здесь гостила большая группа чешских живописцев, скульпторов, графиков, искусствоведов во главе с известным карикатуристом, лауреатом Государственной премии Антонином Пелцем. Гости осмотрели музеи и достопримечательности города, встретились с представителями художественной общественности.

В Институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина гостям показали выставку, посвященную 80-летию со дня рождения их земляка — народного художника Чехословацкой республики Макса Швабинского.

Чешские художники посетили областную выставку детского изобразительного искусства, а также Дом искусств имени К. С. Станиславского, где состоялась встреча чешских и ленинградских художников. Гостям были преподнесены книги и альбом репродукций. Члены делегации подарили библиотеке Ленинградского отделения Союза советских художников книги по изобразительному искусству Чехословакии. Встреча прошла в теплой и дружественной обстановке.

ПОЭТЫ МИРА В БОРЬБЕ ЗА МИР

Мы публикуем стихи прогрессивных поэтов разных стран, которые от имени народов поднимают свой голос в защиту мира и дружбы между народами.

Эльви СИНЕРВО
Финляндия

Великий народ

Я сегодня хотела бы сделаться больше, сильней,
быть всего человеком сегодня, мне кажется, мало.
Я хотела бы знаменем, пламенем стать для людей,
словом теплым, живым, но имеющим звонкость металла!

Я хотела бы влиться в теченье огромной реки,
слиться сердцем своим неразрывно с сердцами другими,
чтоб слова мои были так истинны, так велики,
словно целый народ произнес их устами моими.

Я превыше всего отчий край мой суровый люблю,
всей душою люблю, даже полной печали и боли...
Но сегодня я песню Советской стране отдаю,
что в семнадцатом стала отчизною правды и воли!

Нет, не реки я славлю, не степи ее, не леса,
не предгорья Кавказа и не виноградники Крыма...
Все равно, мне милее родные мои небеса!
Нет, совсем за другое Россия всем сердцем любима:

Человека я славлю, который времен колесо
в грозный день Октября повернул дерзновенной рукою,
к вековечной мечте обратившись бесстрашно лицо,
веря только в себя, в вихре злобного смеха и воя.

Человека я славлю! Великий советский народ!
Ленин руку простер... Делом стало горячее слово...
Пели Блок, Маяковский про то, как из пепла растет,
из развалин минувшего мир подымается новый!

Славлю я человека, который в труде и бою
светлый дом воздвигал, невзирая на холод и голод...
Как Атлант — шар земной, взял на плечи он землю свою,
и в огне отстоял Сталинград — героический город!

Громче, песня, звени! Славь мечту, что из дыма войны
люди вырвали ярче и неугасимей, чем прежде.
Через море времен, из-за древней кремлевской стены
льется свет — на него все народы взирают в надежде!

Перевела **Вероника Тушнова**

Энрике АМОРИМ
Уругвай

Ответ другу

Ты спрашиваешь,
что мне надо на свете.
Друг мой, могу я тебе ответить.
Мне надо, чтоб окна каждого дома
Открывались навстречу свободному утру,
Чтоб поля и над ними дымок невесомый
Принадлежали всем, а не одному кому-то.
Я хочу, чтоб мой голос терялся в хоре,
Чтоб с широкой дорогой сливалась моя тропа.
Я хочу, чтоб звенела гитара, песня которой
Чем-то похожа на песню серпа.
Я хочу, чтобы ширилась песня и крепла,
Чтобы у женщины юной не скорбь и не страх,
А песни огонь, огонь без дыма и пепла,
Пламенел на алых губах.
Чтобы поле колосьями было богато,
Чтоб никто не пугал нас ни горем, ни гневом судеб,
Чтобы мог я чувствовать теплую руку брата,
Бескорыстно делящую хлеб.
Я мечтаю о Мире, где настежь раскрыты порты,
Где свободно плывут в океанах суда,
Где преграды для дружбы навеки стерты,
Где запоры и цепи потоплены навсегда.
Друг, я зову тебя верить и строить,
Вместе не страшно нам ничего.
Ты видишь: сердце свое я раскрыл пред тобою,
Не закрывай же и ты своего.
Ты слышишь мира праздник звенящий?
Вливайся в него и печали забудь!
Через дремучие, непроходимые чащи
Сами себе мы проложим путь!
Чего ж я хочу?
Чтоб стал для меня ты
Другом по счастью, любимым братом.

Перевел **Н. Гребнев**

Дэйвид МАРТИН
Австралия

Три простые вещи

Мир для меня — три простые вещи.
Мир — это сын мой, вера моя.
Мир — его смех, детский пыл, невинность.
Мир — его игры и чистый взгляд.
Мир — его сны и ребячья пытливость.
Мир — это радость, когда он сыт;
Тельце горячее, полное жизни.
Мир — это мой, мой сын.

Мир для меня — это дети народа.
Мир — человек, созидатель, борец.
Мир — мой сосед, его умные руки.
Мир — миллионы сердец,
Их негасимое, ясное пламя...
Мир — это дети, дети людей.

Мир — это книги: в них все эпохи,
Многое можно узнать из книг...
Мир — Одиссей, Дон-Кихот, Джульетта,
Тиль Уленшпигель — великий шутник.
Мир — это Швейк и рабочий Джо Смит.
Мир — это люди из «Тихого Дона».
Мир — это книги: поэзия, проза;
Это и мой взволнованный стих.
Мир для меня — три вещи простые.

Перевел **Юрий Хазанов**

Майкл ГОЛД
США

Чего ждет земля...

Пришла на нашу улицу весна,
Вся в множестве оттенков и соцветий,
С бутонами сирени и магнолий.
Поет соседка наша, словно дрозд,
И песню эту слушают соседи.
«Уже раскрылись первые бутоны,—
Поет она,— всевышнему хвала!
Мой мальчик Ли вернется скоро с фронта!»

Ли родился в подвале городском,
Работал в гараже на побегушках,
Гонял бейсбольный мяч в команде местной,
Играл на саксофоне и гитаре
И модные пластинки собирал.
Когда в солдаты забирали Ли,
Соседи все об этом горевали.
Остались здесь родители его:
Суровые и сумрачные люди
Из тех, что подметают вестибюли,
Всю ночь огонь поддерживают в топках,
Вывозят мусор из помойных ям.
Они не любят много говорить,
Они умеют думать про себя,
Но мы, соседи, знаем эти думы:
«Сенаторы, банкиры, господа,
Вы вправе человека взять в солдаты,
Услать его подальше на войну,
Вы можете родителей его заставить чистить мусорные ямы.
Но все отбросы, собранные в Бронксе*,
Не так грязны, как грязная война,
В которой вы людей напалмом жжете
И губите народа сыновей...»
О, робкие бутоны смелых мыслей,
Раскройтесь, расцветите поскорей
На сумрачных дворах и на задворках,
Явите силу нашего народа.
Давно ведь ожидает вся земля,
Когда весна в Америке настанет,
Давно мечтают мирные народы
Увидеть всю Америку в цветах!

Перевел **М. Матусовский**

* Бронкс — один из районов Нью-Йорка.

МИГЕЛЬ де АНДА ХАКОБСЕН
Мексика

Всеобщий клич

Всеобщий клич несется над землей.
Он мчится над лесистыми горами,
над зеленью долин и сочных пастбищ,
над ранними цветами луговыми —
всесильный голос, вечный голос жизни.
То — клич нужды, в которой прозябают
мильоны обитателей планеты,
клич городских окраин,
клич селений,
старинных улиц,
хижин и бараков,
где сушится белье, играют дети
и травка проступает меж камней.
То — молодости клич.
Сама весна,
овеянная первою любовью,
сквозною осененная листвой,
бросает вызов давнему врагу.
Ей ненавистны злоба и насилье
и батарей ревущие стволы.
Он рвется, этот клич, из уст людей,
которые вовеки не забудут,
как кровь струилась по земле Кореи,
как трупы полыхали на кострах
и алчное потрескивало пламя.
Я слышу — человечность протестует,
я слышу — справедливость поднимает
свой гневный голос
против душегубов,
орудующих бомбами, напалмом
и сеющих бактерии чумы.
Я слышу голос павших,
погребенных
в развалинах
и на полях сражений.
Живым и мертвым вторит вся природа,
земля сама —
деревья вековые
и только что возникшие бутоны,
разноголосые пичуги в рощах,
лесные реки, горные потоки.
Им вторят басовитые гудки
заводов, рудников, каменоломен
и старая солома, что шуршит
в сараях
и на крышах деревенских.
И этот зов, летящий над землею,
гласит одно:
— Мы не хотим войны!
Четыре слова — всем они близки.
Оратор произносит их с трибуны,
детишки их на досках пишут в школе.
В любой душе они находят отклик.
Они звучат на кукурузном поле,
на каждой тропке можно их услышать.
Четыре слова — всем они близки.
Их в этот час выстукивает молот,
Которым бьет кузнец по наковальне,
И море Караибское седое
гремит в ночи:
— Мы не хотим войны!
Слова, в сердца вселившие надежду,
все человечество провозглашает,
все люди, без различия сословий,
достатка, цвета кожи и воззрений.
Сливаются в едином этом хоре
все голоса:
— Мы не хотим войны!
Я слышу — клич несется над землей.
И это неумолчный голос мира.
Он — против ощетиненных штыков,
он против разрушения и смерти,
он приговор захватчикам выносит.
И это — песнь труду и созиданью,
науке и прогрессу.
Это — голос
всех тружеников, всех народов мира.
Внемлите, палачи, и содрогайтесь,
и помните:
— Мы не хотим войны!

Перевел **Яков Хелемский**

Накано РЕСУКЕ
Япония

„Хэйва ондо“

(Песня японской молодежи)

Вот луна взошла над пашней
и сказала нашим милым:
— Тот не парень, кто не пляшет
«хэйва ондо» — пляску мира.

Так давайте вместе спляшем,
всей деревней дружно спляшем.
Если мы объединимся,
будет мир селеньям нашим!

Вот луна взошла над башней
и глядит — под звуки гонга
девушка чудесно пляшет
пляску мира — «хэйва ондо»,
смотрит весело и смело,
всех подруг она затмила:
больше всех собрать сумела
подписей в защиту мира.

Так давайте вместе спляшем,
всем кварталом дружно спляшем.
Если мы объединимся,
будет мир наградой нашей!

Вот взошла луна над морем,
и кричит ей чайка-птица:
— Весь народ сегодня в сборе!
К миру весь народ стремится!

Так давайте вместе спляшем,
всем народом дружно спляшем.
Если мы объединимся,
будет мир под небом нашим!

Вот взошла луна над крышей,
над большой трубой завода.
«Миру—мир!» — повсюду слышен
зов рабочего народа.
Чтобы мирно у завода
день и ночь труба дымила,
пусть запляшут хороводы
«хэйва ондо» — пляску мира!

Перевели
С. Болотин и Т. Сикорская

Эдвард ФИШЕР
Польша

Шествие молодости

(Песня)

Ни равнины, ни горы,
Ни морские просторы
Нам в походе не будут преградой,—
Всеми тропами мира,
С песней дружбы и мира,
Молодые шагают отряды.

Встань рядом с нами
Под знамя дружбы,
Пусть твоя песня
Взлетит в эфир.
Товарищ юный,
Бороться нужно —
За справедливый
И прочный мир!

Подают свои руки
Нам друзья и подруги,
К нам спешит молодежь из Китая.
С каждым шагом нас больше —
Вот строитель из Польши,
Негр из Штатов и воин Малайи.

Нашим строем веселым,
Во главе с комсомолом,
Шаг равняя, идем мы по свету.
Нас Варшава встречает,
Нам Москва отвечает —
Молодежною песней привета.

Перевел **Валериан Арцимович**

Петер КУЦКА
Венгрия

Декрет о мире

Всем! Всем! Всем!
Всем людям!
Всем странам!
Солдатам по ротам, полкам, батальонам,
Фабричным рабочим и бедным крестьянам,
Невестам и женам,
Судам, что плывут по морям-океанам,
И сборщикам риса на поле зеленом,
И внукам Коммуны, друзьям парижанам,
И грузчикам доков, прокопченных дымом,
Седым лесорубам в краю нелюдимом,
Пылающим домнам и рельсовым станам,
И детям голодным, бездомным и рваным,
Изжеванным бойней больным ветеранам,
Всем людям, всем странам!
Пусть слышит весь мир:
Да здравствует мир!

Снарядною гарью пропахли долины,
Земные поля испахали фугасы,
Любимые губы засосаны глиной,
Любимые очи погасли.
И те, что ушли, что без вести пропали,
Уже не вернутся, как грозные судьи,
Тела их давно уже в землю втоптали
Колеса орудий.
И порох и тлен
В дыхании ветра:
«Добердо, Верден,
Верден и Добердо!» *

Кто думал о вишнях весенних в цвету?
— В окопах солдаты.
О ласточках, рвущихся в высоту?
— В траншеях солдаты.
О летней погоде, страде полевой,
О плуге, надраенном влажной землей?
— Солдаты, солдаты.
А кто же подумал о них? О солдатах?
На поле сраженья, в окопах проклятых
Еще не просохли следы кровяные,
Когда, возвещая рожденье эпохи,
Спокойно слова прозвучали простые:
Рабочие люди! Солдаты в окопе!
Предлагаю
правительству новой России
Издать
декрет о мире! **
Сквозь годы прошли мы с тем словом великим,
И люди запомнят его на века.
Как сноп от штыка, развалился Деникин,
И пуля в Иркутске нашла Колчака.

В Узбекистане хлопковое поле,
Горящие в небе кремлевские звезды,
И на Украине пшеничное поле,
И снежный Казбек, неприступный и грозный,
И воин Кореи победоносной,
Которая борется против оков,
Бригада поморских рыбаков,
И надпись — в рейхстаге в году сорок пятом,
И взнузданный атом,
Рабочий Урал, преисполненный силы,
Простые могилы,
Родившийся лес, работящие воды
Провозглашают все громче и шире:
Всем! Всем! Всем!
Все края!
Все народы!
Вот слово Ленина,
вот слово Сталина,
слово о мире!
И мы говорим, как всегда говорим:
— Не надо войны, мы мира хотим!
Чтоб вырастить наших сынов поколенья,
Чтоб краше цвели города и селенья.
Да! Мы говорим, как всегда говорим —
Сурово и твердо, без рабского страха!
Хотим, чтобы яблони нежно цвели,
Чтоб в небо взмывала весенняя птаха!
О воле людей говорим мы открыто
Банкирам из Сити, дельцам Уолл-стрита,
Что мира желают народы,
Что мира хотят и свободы.
Великое слово, потрясшее мир:
Желаем жить в мире, в труде постоянном!
Всем! Всем! Всем!
Всем людям!
Всем странам!
Да будет мир!

Перевел **Д. Самойлов**

* Верден и Добердо — места кровопролитных сражений первой мировой войны.
** Поэт имеет в виду доклад о мире и заключительное слово по докладу о мире В. И. Ленина на II Всероссийском съезде Советов 8 ноября (26 октября) 1917 года.

БЛАГОДАРНОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Октябрьская революция открыла новую страницу в истории человечества. Ее величайшее достижение состоит в том, что она положила конец эксплуатации человека человеком,— конец источнику всех зол. Она создала основу для построения общества, благодаря которому люди становятся лучше, благороднее и здоровее.

После приезда в Советский Союз я успел побывать в Сталинграде и в различных городах Узбекистана. Я посетил там, как и в Москве, музеи, научные, общественные, культурные и медицинские учреждения. Я видел колхозы. Я беседовал с академиками, профессорами и директорами учреждений. Все они были очень приветливы и рассказали мне много интересного.

Высокая степень механизации производства хлопка, достигнутая в Узбекистане, поразила меня. Все делается при помощи машин, начиная от вспахивания земли и кончая сбором хлопка. Здесь необходимо сказать о том, что некоторые из машин были изобретены самими хлопкоробами. Большинство усовершенствований было также предложено этими людьми, которые до революции прозябали в невежестве и были на положении подъяремного скота.

Сердце мое забилось от радости, когда я увидел, какую большую, благородную работу ведут дома культуры и клубы при различных организациях. Я очень хотел бы, чтобы рабочие и крестьяне моей страны могли это увидеть.

Иной раз, давая волю своей фантазии, я мечтаю о том, как ученые усовершенствуют телевидение до такой степени, что простые люди всего мира из своих скромных жилищ смогут увидеть, что Советский Союз делает для своих граждан. Тогда они узнают правду, ибо тот, кто видит воочию, начинает верить. Тогда спадут одетые на их глаза шоры. Сорвана будет паутина лживой антисоветской пропаганды, паутина клеветы, распространяемой злонамеренными людьми. Люди узнают истину.

Человечество будет с благодарностью вспоминать людей, успешно осуществивших Великую Октябрьскую революцию. Грядущие поколения будут благословлять их. Да здравствует Ленин! Да здравствует Сталин!

Мадан Моханлал АТАЛ,
индийский общественный деятель
МОСКВА

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!

Английский журнал «Нью стейтсмен энд нейшн» в номере от 3 октября 1953 года пишет в статье под заголовком **«Американские базы в Испании»:**

STATESMAN AND NATION

The point is that by this new agreement Franco Spain is converted, by the unilateral action of the U.S., into a *de facto* member of the Atlantic Alliance. Spain, and the seas around Spain, have now become such an integral part of American planning for operations in Western Europe that the question whether Franco is formally associated or not with Nato is almost irrelevant

*«Суть дела в том, что по этому новому соглашению Испания Франко односторонним актом США превращается в фактического члена Атлантического союза. Испания и моря вокруг Испании стали теперь настолько неотъемлемым элементом американского планирования операций в Западной Европе, что вопрос о том, входит ли Франко формально в НАТО * или нет, теряет почти всякое значение».*

Дальше журнал пишет, что это сделано

«...ценой практического включения ненавистной диктатуры в организацию, которая первоначально брала на себя смелость заявлять, что она представляет собой союз правительств, созданный для «охраны свободы и общего культурного наследия их народов и основанный на принципах демократии». Красивым словам редко приходилось получать более циничное выражение на деле».

Комментарии излишни!

* Организация Северо-атлантического пакта.

ВЕЛИКАЯ ИСТИНА

Петру ДУМИТРИУ,
румынский писатель

Я стою у окна вагона. Перед моими глазами сменяются пейзажи бесконечной Русской равнины: вот чернеет ельник, вот серодымчатая в ранних сумерках березовая роща,— прямые стволы ее деревьев уходят ввысь белыми колоннами. И снова тянутся необхватные в своей шири колхозные поля... Сквозь тонкий покров раннего снега проглядывает нежнозеленый ковер озимых посевов. А на горизонте уже то мерцают разбросанные щедрой рукой гроздья электрических огней, то сливаются в сплошное зарево над заводами и городами.

Мне приходят на память слова Гоголя, сказанные им в письме из Италии, к одному из своих друзей. О прекрасном небе Италии напоминал Гоголь в этом письме, но это небо на чужбине не радует его, говорил великий писатель, сердце стремится к бескрайним просторам родины.

Я думаю о том, как чудесно преобразил советский человек эти просторы, воспетые некогда Гоголем. На великой Русской равнине раскинулись богатые колхозные села, выросли города, дымят фабричные трубы. Потомки крепостных, о которых с такой болью писал Гоголь, со дня Великого Октября стали свободными и гордыми хозяевами своей страны, одной шестой части земного шара.

Я, гость из-за рубежа, человек, родившийся на берегах Дуная, среди гор, впервые посетил эту страну. К советским людям меня привели те чувства горячей любви и дружбы, которые питает к своему освободителю весь румынский народ.

Поездка по Советскому Союзу для его зарубежных друзей — всегда путешествие в будущее. Новый мир открылся передо мной во всей его славе, богатстве и незабываемых приметах. Впервые увидел я величественные здания новой Москвы и долго бродил по ее шумным улицам.

Поезд, уносящий меня на север, проходит мимо старинных русских городов Ярославля, Костромы, мимо славных городов, носящих имена Кирова, Свердлова, и я чувствую себя счастливым, словно только открыл эту великую и могучую страну, где счастье стало уделом не избранных, а всех.

Неугасимым огнем любви к Советскому Союзу озарены дела и помыслы рабочих и крестьян, людей науки и искусства народной Румынии. Мне это хорошо известно: на родине я встречаюсь со многими людьми и твердо знаю, что эта крепнущая с каждым годом любовь живет в сердце простых румын. И как не жить и не расти этому чувству братской привязанности и верной дружбы!

В Советском Союзе мы видим картину нашего будущего, созданную гениальнейшим художником, каким является свободный народ, воодушевленный великой целью. Здесь, на советской земле, я вижу сегодня наш завтрашний день, воплощенный в действительность,— навсегда сохранишь в памяти ее образ, ее теплые, живые краски. И в то же время для румын, как и для многих других народов, Советский Союз — это страна, которая по-братски, бескорыстно помогает нам строить будущее на нашей, румынской земле.

Когда-то США называли «новым светом». Сотни тысяч тружеников покидали капиталистическую Европу и в поисках счастья устремлялись за океан, в Америку, в «новый свет». Но этот свет был новым лишь в географическом понятии. Во всем остальном — в общественной и политической жизни, в культуре, в морали — это был старый свет. С тех пор он стал еще старее, он очень постарел, этот «новый свет» за океаном.

Новым миром, в подлинном смысле новым миром, предстала перед всем человечеством страна социализма, страна мира, созидания и дружбы народов, первое в истории государство трудящихся. И к этому новому миру всей душой стремится народ Румынской Народной Республики.

Миллионам моих соотечественников образ будущего, которое олицетворяет Советский Союз, рисуется примерно так: это новые города с монументальными жилыми зданиями, более прекрасными, чем королевские дворцы; это машины на колхозных полях и пшеница, которая колосится в северных широтах, где раньше считалось невозможным ее выращивать; это огромные заводы, вокруг которых поднялись дома рабочих, клубы, театры и цветущие парки, а главное — это люди — свободные, скромные, трудолюбивые, преисполненные достоинства. Такие люди, как мои новые знакомые,— текстильщица Тамара Конькова, которая любит театр, музыку, следит за новинками технической литературы, или Дмитрий Кудрявцев — сын крестьянина, ныне руководитель крупнейшего комбината, кандидат технических наук, или как мой старый знакомый и друг Аркадий Первенцев, в прошлом рядовой политпросветработник, ставший одним из известных советских писателей. Для нас Советский Союз — это страна, где пробудились все творческие жизнеутверждающие силы народа.

Такова великая истина.

Верная духу интернационализма, великая страна социализма помогает и нам строить счастливую жизнь. Нужны тома, чтобы подробно рассказать о братской помощи, которую мы получаем от советского народа — нашего освободителя. Мне хочется привести лишь два из многих и многих фактов.

В Румынии есть село Слобозия Мындра. В этом селе живет человек по имени Ион Дакин. Когда могучее эхо первой русской революции, подобно грому, прозвучало над всей Европой, восстали против помещичьего гнета и крестьяне Румынии. Среди первых поднялись против помещиков крестьяне Слобозии Мындра. Королевские жандармы потопили это восстание в крови. Великая Октябрьская социалистическая революция вдохнула новые надежды в сердца измученного румынского народа. И он не обманулся, ибо без Октября не было бы освобождения, которое принесли нам советские солдаты в августе 1944 года.

Среди расстрелянных в 1907 году румынских крестьян были отец и братья отца маленького Иона... После освобождения Ион Дакин вступил в Коммунистическую партию Румынии. Великое учение Ленина — Сталина, встречи и беседы с советскими людьми указали ему путь в жизни. Дакин и его друзья-односельчане мечтали, по примеру советских колхозников, создать на родной земле коллективное хозяйство. День за днем Ион и другие передовые крестьяне поддерживали борьбу партии за социалистическое переустройство села. И вот летом 1949 года крестьяне Слобозии Мындра объединились в коллективном хозяйстве, одном из первых в стране.

Ион Дакин, седой, но полный сил крестьянин, сейчас председатель артели имени 1907 года. Это одно из передовых хозяйств страны. На его богатых полях работают отечественные тракторы, изготовленные по типу советских, а урожай убирают комбайны. Крестьяне обрели зажиточную жизнь: в их домах вы увидите книги, радиоприемники, хорошую мебель. Так свет Великого Октября озарил счастье румынского земледельца.

А вот сценка, которая стала обычной в новой Румынии. Однажды вечером на одной из крупнейших новостроек, когда экскаваторы, присланные с Уралмаша, казались на фоне темнеющего неба сказочными богатырями, в ярко освещенном зале собрались инженеры. Все они внимательно следили за тем, как еще молодой с виду человек раскладывал на столе чертежи и схемы с надписями на русском языке.

Этот человек тоже был инженер. Он приехал из Советского Союза и привез с собой техническую документацию для стройки. Обращаясь к присутствующим, он сказал:

— Товарищи! Итак, эту электроцентраль мы будем строить вместе. В дальнейшем, я не сомневаюсь, проектировать и строить такие станции вы будете сами, собственными силами!

Советский инженер окинул собравшихся теплым, дружеским взглядом. И румынские инженеры, один за другим, в знак дружбы и признательности пожимали его руку.

...Я стою у окна вагона. Поля сменяются березовыми рощами, лесами... Остались позади рубиновые звезды Кремля и золоченые шпили высотных дворцов Москвы. В эти минуты я думаю о безграничной любви нашего народа к благородной и великой стране социализма — СССР!

МОСКВА—СВЕРДЛОВСК.

НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

Еще раз о переодеваниях в Дании

Адмирал Квистгорд, главнокомандующий вооруженными силами Дании, отправился недавно с визитом в Соединенные Штаты. Через некоторое время после его отъезда в газетах появилась переданная из Вашингтона фотография, на которой адмирал был изображен в... американской военной форме.

Один из читателей копенгагенской газеты «Информашон» прислал в редакцию возмущенное письмо. «Мы не можем согласиться,— пишет он,— на пребывание иностранных войск в Дании. Но можем ли мы согласиться на пребывание главнокомандующего вооруженными силами Дании в форме иностранных войск? Иными словами: значит ли это, что мы уже вошли в состав американской армии?»

Редакторы «Информашон» могли бы, конечно, не печатать этого письма. Однако после некоторых колебаний они решили все же ответить на него, полагая, очевидно, что им удалось найти поистине неопровержимые аргументы.

Что же это за аргументы? Оказывается, все дело в том, что в Америке... очень жарко, и поэтому, видите ли, приходится переодеваться. «Информашон» прямо так и пишет: «Каждый датский офицер, совершающий поездку в США, должен быть снабжен обмундированием, приспособленным к американскому климату, значительно более жаркому, чем у нас в стране».

Может быть, у датских военнослужащих не существует летней формы? Оказывается, существует. «Конечно, датский флот имеет белые полотняные летние формы, но они довольно непрактичны (?! — **П. К.**), и не в меньшей степени для такого человека, как главнокомандующий вооруженными силами, которому приходится так много разъезжать, когда он гостит в США»,— пишет «Информашон». Едва ли подобные «климатические» аргументы покажутся убедительными датским читателям!

«В интересах морали и удобства», как гласит приказ американского командования, военнослужащим оккупационных войск США в Западной Германии разрешено ношение гражданской одежды.

Американский солдат — немцу, служащему магазина готового платья: — **Ничего, старина! Это последний раз, когда ты вынужден волноваться из-за американских солдат. В дальнейшем мы будем действовать в гражданском платье, и тогда нас почти не отличишь от ваших гангстеров...**

Рисунок худ. Шмитта из немецкой газеты «Берлинер цейтунг»

Однако они помогут им разобраться в «политическом климате», установившемся в редакции «Информашон».

Совсем недавно один высокопоставленный датский офицер заявил представителю газеты «Нью-Йорк геральд трибюн», что он рекомендует находящимся в Дании американским солдатам во внеслужебное время переодеваться в гражданское платье ввиду враждебного отношения датского народа к размещению иностранных войск в стране.

Как мы видим, простые люди Дании и датская газета «Информашон» относятся к оккупантам по-разному.

Датский народ не желает видеть ни американскую форму, ни заокеанских солдат, которые ее носят.

Редакторы «Информашон», напротив, готовы перерядить всю датскую армию в американские мундиры!

П. К.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б03854.